

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ДОЧЬ

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

Annotation

Дженни – семейный доктор, мать троих детей, жена успешного нейрохирурга.

Ее жизнь идеальна. Но все рушится, когда ее пятнадцатилетняя дочь Наоми не возвращается домой...

Проходит год. Поиски не приносят результата. Семья распадается. И все-таки Дженни не прекращает попыток найти Наоми. Чем дальше она продвигается в поисках, тем отчетливее понимает, что многого не знала ни о дочери, ни о сыновьях, ни о муже.

А так ли нужна ей правда? Ведь порой она бывает такова, что пережить ее труднее, чем мучительную неизвестность...

Дорсет, 2010

Год спустя

С наступлением ноября дни становятся короче. В саду на усыпанной яблоками траве деловито копошатся вороны. Возвращаясь от поленницы с охапкой дров, я наступаю на мягкий шарик. Он лопается, превращаясь в вязкую массу, прилипающую к подошве.

Мне зябко, но ей, наверное, сейчас еще холоднее. Так почему я должна наслаждаться комфортом? Какое у меня право?

Близится вечер, в комнате темнеет. Я разжигаю камин, подсаживаюсь ближе к огню. В голове разгорается привычный незатухающий костер, в котором трещат и плавятся возгласы сожаления.

Ах если бы... Ах если бы я чуть внимательнее присматривалась к детям, прислушивалась к их разговорам, наблюдала и делала правильные выводы... Если бы можно было вернуться на год назад и начать все сначала...

Я бросаю взгляд на стол, где лежит подаренный Майклом альбом для рисования в кожаном переплете, и нащупываю в кармане халата огрызок красного карандаша. Он говорил, что рисовать картинки из прошлого полезно, это отвлекает. А сами картинки уже готовы в моем сознании. Скальпель в дрожащей руке, кружащаяся балерина в музыкальной шкатулке, аккуратно сложенные на прикроватном столике листы с записями.

На первой чистой странице я пишу имя дочери. Наоми. А ниже набрасываю контуры лежащих на боку черных туфель на высоком каблуке с длинными ремешками.

Бристоль, 2009

Днем ранее

Держа в руке айпад, она покачивалась в такт музыке. На шее оранжевый шарфик. Школьные учебники свалены рядом на пол.

Я тихо закрыла за собой заднюю дверь и поставила на пол пухлую сумку. Там у меня и стетоскоп, и шприцы, и коробки с лекарствами, и разные бумаги. День сегодня выдался нелегкий. На прием записалась куча пациентов, да еще дважды пришлось выезжать на дом. И, конечно, много писанины.

Прислонившись спиной к кухонной двери, я наблюдала за дочкой, невольно вспомнив лежащую в постели Джейд, маленькую девочку с руками в синяках.

Теперь-то я понимаю, что мне тогда в глаза попали капельки острого мексиканского соуса чили. Если слон повредил ногу, то ему в глаз брызгают этим соусом, и он отвлекается, пока люди занимаются лечением. Тео рассказал мне однажды такую любопытную подробность. Где он это услышал, не знаю. Так вот, я тогда смотрела и ничего не видела. Вы не подумайте, это довольно просто – не замечать чего-то очень важного.

Любуясь загадочной полуулыбкой Наоми – она в последнее время все чаще так улыбалась своим мыслям, – я представила, что рисую ее, стараясь как можно точнее передать округлость щек. Тени делаю слабые, чтобы подчеркнуть светящуюся белизну кожи.

Она пританцовывала, и в такт неслышной мне музыке ее белокурая челка подпрыгивала, мягко падая на лоб. А вдоль линии роста волос поблескивали капельки пота. Рукава ее школьного пуловера были подтянуты, и браслет с брелоками ритмично двигался вверх-вниз,

почти соскальзывая с руки. Увидев его на ней, я обрадовалась, потому что считала браслет давно потерянным.

– Мам, ты здесь? – заметив наконец меня, Наоми сняла наушники. – Ну как, тебе нравится?

– Ты чудесно танцуешь.

Я подошла и быстро чмокнула дочку в румяную бархатистую щеку, вдохнув знакомый аромат лимонного мыла.

Резко отстранившись, она наклонилась, чтобы собрать книги.

– Да нет же, мама. – В ее тоне отчетливо проступали нотки раздражения. – Я говорю о туфлях. Ты что, не видишь?

Туфли были новые. Черные, с очень высокими каблуками и кожаными ремешками, туго оплетающими ее стройные ноги. Видеть такие туфли на дочке было странно. Ее обычная обувь – это кроссовки или лодочки из цветной кожи.

– Куда тебе такие каблуки? – Пытаясь смягчить тон, я неловко хохотнула. – Ты никогда не...

– Вот именно, никогда, – прервала она меня торжествующим тоном. – А теперь вот решила надеть.

– Но они, должно быть, стоят кучу денег. Ты потратила все, что у тебя было на карточке?

– Они такие удобные, – сказала Наоми, не обращая внимания на вопрос. – Словно созданы для меня. – Казалось, она не верила своему счастью.

– Но тебе нельзя в них выходить, дорогая. В этих туфлях ты выглядишь слишком экстравагантно.

– Ты это говоришь из зависти? Признайся. – На ее губах опять возникла та самая полуулыбка, какой я прежде не замечала. – Тебе тоже хочется иметь такие.

– Наоми...

– Но у тебя их нет, а у меня есть. Понимаешь, я в эти туфли влюбилась. Да, да, я люблю их теперь не меньше, чем Берти.

Произнося эти слова, она гладила пса по голове. Потом повернулась и, широко зевнув, медленно пошла вверх, постукивая каблуками, которые издавали резкий металлический звук, как маленькие молоточки.

Дочка ускользнула к себе, так и не ответив на мой вопрос, который остался висеть в теплом воздухе кухни.

Я налила себе в бокал вина из бутылки, начатой Тэдом. Это что же получается? Наоми прежде мне не дерзила и не уходила посреди разговора.

Я убрала в шкаф свою сумку и, потягивая вино, принялась ходить по кухне, поправляя висящие на крючках полотенца.

Обычно она рассказывала мне все.

Повесив наконец пальто, я ощутила, что алкоголь слегка прояснил сознание. Да, все так и должно быть. Странно, что меня это удивляет. Ведь я сама придумала такой порядок много лет назад. Я занимаюсь своей работой, которую люблю, и зарабатываю хорошие деньги, но дома времени провожу меньше, чем другие матери. Зато мои дети имеют полную свободу и растут самостоятельными. Именно это мы с Тэдом и считали крайне желательным.

Я достала из чулана картошку и быстро вымыла под краном несколько клубней.

Впрочем, если подумать, то она нормально не разговаривает дома уже несколько месяцев. Тэд считает, что причин для тревоги нет. Переходный возраст. Девочка взрослеет.

От холодной воды заоченели руки. Я закрыла кран.

Взрослеет и одновременно отдаляется? Этот вопрос молотком стучал в моей голове, пока я искала в ящике картофелечистку. Прошлым летом в моем врачебном кабинете побывала юная девушка, не старше шестнадцати, у которой нежная кожа на запястьях была испещрена множеством красных линий.

Я встряхнула головой, чтобы избавиться от неприятного воспоминания. Но с Наоми вроде бы все в порядке. Никакого намека на депрессию. И эта ее новая улыбка все же лучше, чем раздражительность. А то, что дома она не такая разговорчивая, как прежде, может быть связано с ее участием в спектакле школьного театра. Может, она размышляет над ролью. А может, над тем, какую выбрать профессию. В прошлом году она проходила летнюю практику в лаборатории Тэда. Ей понравилось. Если она решит заниматься медициной, то исполнение главной роли в школьном спектакле повысит ее шансы на поступление в институт. В приемной комиссии отдают предпочтение абитуриентам с широкими интересами. Такие успешнее осваивают профессию врача. Может быть, следует не переживать, а радоваться? Вот мне, например, преодолеть стресс от того, с чем сталкиваешься во врачебной практике, помогло увлечение живописью. Рисуя, я как бы перемещаюсь в другой мир, где нет переживаний и тревог. Мой мольберт с незаконченным портретом Наоми стоит наверху, в мансарде. К сожалению, в последнее время мне не так часто удается там скрываться.

Бросив картофельные очистки в мусорное ведро, я достала из холодильника сосиски. Тео любит их с картофельным пюре, с детства. А с Наоми я поговорю завтра.

Примерно через час позвонил Тэд и сказал, что задерживается в больнице. Потом заявили близнецы – очень голодные. Эд поднял руку в молчаливом приветствии и, наложив с верхом тарелку тостов, отправился к себе наверх. Было слышно, как он хлопнул дверью. Не сомневаюсь, что тут же была включена музыка и он плюхнулся на кровать с тостом в руке и закрыл глаза. Я еще не забыла, каково это, когда тебе семнадцать. Иногда очень не хочется, чтобы тебя тревожили, стучали в дверь и, что еще хуже, приставали с разговорами.

Тео, сверкая веснушками на бледном лице, выкрикнул что-то нечленораздельное и принялся поглощать тосты один за другим, быстро опустошая миску.

Наоми прошла к выходу через кухню. Влажные волосы свисали густыми прядями, закрывая шею. Пока она двигалась к двери, я поспешно затолкала ей в рюкзак сверток с сэндвичами, а потом несколько минут постояла в дверном проходе, глядя ей вслед. Школьный театр находился недалеко, на соседней улице, но Наоми вечно опаздывала. Она перестала бегать по утрам, всю энергию отнимал спектакль. Ни на что другое сил не оставалось.

«Пятнадцатилетняя Мария в исполнении Наоми Малколм выглядит не по годам зрелой». «Завораживающая игра Наоми делает Марию одновременно и невинной, и невероятно сексуальной. Мы присутствуем при рождении новой звезды».

Наверное, стоило переутомиться и немного понервничать ради подобных отзывов на форуме школьного сайта. Ей осталось сыграть еще два спектакля: сегодня и завтра, в пятницу. А потом все опять вернется в прежнее русло.

Дорсет, 2010

Год спустя

Сегодня пятница. Я это знаю, потому что к дому подъехала продавец рыбы, приземистая полная женщина. Это событие застает меня под лестницей, откуда я через мутное стекло

входной двери наблюдаю очертания белого автомобиля. Она нажимает кнопку звонка и ждет, чуть покачивая головой и поглядывая на окна. Пусть звонит, сегодня я ее надежд не оправдаю. Это исключено. Ведь, открыв дверь, мне придется улыбаться и произносить слова, на которые нет никаких сил.

Я стою, застыв в нелепой позе, следя за движениями ползущего по руке паучка, затем перевожу взгляд на пыльный ковер. Наконец фургончик с шумом отъезжает.

В этот день мне необходимо быть одной. Переждать, затаившись, пока он кончится. По пятницам рана кровоточит особенно болезненно.

Через некоторое время я захожу в гостиную и беру альбом для рисования, который оставила вчера вечером у камина. Переворачиваю страницу с рисунком ее туфель и на следующей вычерчиваю наплывающие друг на друга серебряные кольца.

Бристоль, 2009

Ночь исчезновения

На кухне я опустилась на колени рядом с открытой медицинской сумкой, сверяя лекарства по списку – сделать это на работе никогда не хватало времени, – и так увлеклась, что не заметила появления Наоми.

Она бы так и ушла, не окликнув меня, если бы не задела мое плечо сумкой. Я вскинула глаза, держа палец на том месте в списке, где значились парацетамол и петидин. Наоми рассеянно глянула вниз, явно занятая своими мыслями. Она уже заgrimировалась для спектакля, но темные круги под глазами все равно были отчетливо видны. И вообще, она выглядела измученной. Так что сейчас был не самый подходящий момент спрашивать о том, что меня интересовало.

– Скоро все закончится, дорогая, – весело произнесла я. – Сегодня твой предпоследний спектакль.

Из полиэтиленовой сумки выглядывала одежда – возможно, это был ее сценический костюм. На покрытом линолеумом полу виднелись маленькие углубления, оставленные каблуками туфель.

– Завтра мы с папой придем посмотреть на тебя. – Я сидела на корточках и смотрела вверх, вглядываясь в ее лицо. С подведенными черным глазами Наоми казалась старше своих пятнадцати лет. – Очень хочется сравнить премьерный спектакль с последними.

Она посмотрела на меня пустыми глазами и улыбнулась – по-новому, приподняв лишь один угол рта, будто не мне, а своим мыслям.

– Во сколько ты собираешься вернуться? – спросила я, поднимаясь на ноги, так и не закончив проверку лекарств. – Сегодня ведь четверг. Папа обычно забирает тебя по четвергам.

– Я ему уже давным-давно сказала не беспокоиться насчет этого. Мне интереснее пройтись пешком с приятелями. – Она помолчала, затем добавила скучающим тоном: – Сегодня ужин закончится где-то в полночь. Но меня подвезет Шен.

– Почему так поздно? – Помимо воли я повысила голос: она уже сейчас выглядела усталой. – У тебя завтра последний спектакль, и сразу после этого вы пойдете отмечать это событие. Можешь, конечно, поужинать с приятелями, но я жду тебя в половине одиннадцатого.

– Ничего не поздно, – фыркнула она, барабаня пальцами по столу. На свету поблескивало колечко, подаренное школьным приятелем. – Почему я должна уходить раньше

остальных?

– Тогда в одиннадцать.

– Я уже не ребенок, – бросила она резким, злым тоном, который меня удивил. Никогда прежде дочка так со мной не разговаривала.

Препираться времени не было. Ей нужно уходить, а мне закончить с лекарствами и начать готовить ужин.

– Ты должна быть дома в половине двенадцатого. И ни секундой позже.

Наоми пожалала плечами. Затем, наклонившись к спящему у плиты Берти, нежно погладила его за ушами. Пес чуть пошевелился и пару раз ударил хвостом по полу.

Я тронула ее за руку:

– Он у нас старый, дорогая. А старики любят поспать.

Наоми отдернула руку как ужаленная.

– Все в порядке, успокойся, – продолжала я, взглядываясь в ее напряженное лицо. – В театре у тебя большой успех, не забывай об этом.

В ответ на мое быстрое объятие Наоми отвернулась.

– Остался всего один день.

Мелодично пискнул ее мобильный. Звонила Никита. Дочь отошла поговорить, а я некоторое время стояла, любуясь ее длинными пальцами с милыми маленькими веснушками, заканчивающимися у второй фаланги. Повинуясь невольному импульсу, я быстро приблизилась, взяла ее свободную кисть в свои ладони и поцеловала. Думаю, увлеченная разговором, Наоми этого даже не заметила.

Затем, убрав телефон, она повернулась и взмахнула у двери рукой:

– Пока, мам.

Ближе к полуночи я неожиданно заснула. Где-то около одиннадцати я включила чайник, чтобы согреть воды для грелки в постель Наоми, прилегла на диван и отключилась.

Когда я проснулась, шея у меня затекла, во рту был противный привкус. Я поднялась, одернула джемпер. Потрогала чайник – холодный. Посмотрела на часы и оторопела. Два часа ночи. Значит, она пришла... или нет? У меня защемило сердце. Так поздно она еще никогда не приходила. С полминуты я стояла, пытаюсь унять болезненную пульсацию крови в ушах, призывая себя мыслить здраво. Ну конечно, все в порядке. Она вошла в переднюю дверь и поднялась к себе. А я спала тут внизу на кухне и не слышала. Она, наверное, сняла туфли еще на веранде и, зная, что провинилась, на цыпочках прокралась мимо нашей спальни в свою комнату на третьем этаже.

Ожидая, когда вскипит чайник, я потянулась. Грелку в постель ей все же положить стоит. Сделаю это незаметно. Заверну во что-нибудь и суну под бок. Пусть девочка поспит в приятном тепле.

Я медленно поднялась наверх, минуя комнаты мальчиков. Эд неожиданно вскрикнул во сне, заставив меня вздрогнуть. Еще один пролет – и вот ее комната. Войти мне удалось бесшумно, дверь была приоткрыта. В комнате пахло земляничным шампунем и чем-то цитрусовым.

На ощупь я прошла к комоду, вытащила рубашку, чтобы завернуть грелку. Затем осторожно приблизилась к кровати, по пути наступая на разбросанную по полу одежду. Протянула руку приподнять одеяло, но постель была аккуратно застелена.

Я щелкнула выключателем. Беспорядок в комнате был невероятный. И это у Наоми,

славившейся своей аккуратностью. Почти все ящики комода выдвинуты, из них высовывались колготки, полотенца и другие вещи. На полу разбросана обувь. На прикроватном столике поверх красного кружевного лифчика брошены тонкие прозрачные трусики. Рядом на стуле черный лифчик с половинной чашечкой. Ни одну из этих вещей я не узнавала. Неужели у нее здесь переодевались подруги? Почему?

На туалетном столике из опрокинутого флакона с тональным кремом натекла небольшая бежевая лужица, в которой валялся тюбик губной помады. На полу я заметила и ее серый школьный пуловер с белой рубашкой.

Покрывало на кровати было слегка смято в том месте, где она сидела, но подушки никто не касался.

Я отошла к окну, оперлась рукой о стену. Этот холод каким-то образом проник в низ живота, но паника не успела разрастись. Через несколько секунд до меня донеслись спасительные звуки: двумя этажами ниже хлопнула входная дверь.

Слава... слава тебе господи.

Я засунула грелку пониже под пуховое одеяло, чтобы согрелось то место, где будут ее ноги. В этих легких туфлях она, наверное, озябла. Сбегая вниз и теперь уже не заботясь о тишине, я повторяла про себя, что ни в коем случае не подам вида, будто сержусь. Возможно, завтра, но только не сейчас. Обогнув лестницу и увидев Тэда, я остановилась. Наши взгляды встретились. Он стоял в пальто, поставив у ног дипломат.

– Ее до сих пор нет, – выпалила я. – Мне показалось, что это она.

– Что ты сказала? – устало спросил Тэд.

Он совсем измотался в своей клинике. Плечи опущены, под глазами темные круги.

Я подошла ближе. От него пахло чем-то горелым, наверное, на кожу попали брызги при диатермии – запайке рассеченных кровеносных сосудов. Он ведь только что из операционной.

– Наоми еще не пришла.

Тэд вопросительно посмотрел на меня. Глаза у него такие же, как у нее. Голубые.

– Но спектакль заканчивается в девять тридцать, разве не так? Боже, ведь сегодня четверг.

Муж, конечно, забыл, что Наоми просила больше не забирать ее по четвергам. Но его вообще мало интересовала жизнь детей.

– Наоми теперь возвращается пешком с приятелями, – ответила я, сдерживая злость. – Она тебе говорила.

– Да, конечно, говорила, – произнес он с облегчением. – Я просто забыл.

Боже, как он может быть таким спокойным, когда у меня сердце просто вырывается из груди?

– Сегодня после спектакля они пошли ужинать всей труппой.

– Ну, наверное, им там так весело, что они не хотят расходиться.

– Тэд, ради бога, посмотри на часы. Уже начало третьего! – Говорить спокойно не было сил. Меня трясло от ужаса.

– Что, неужели так поздно? – удивился он. – Извини. Операция затянулась. Я думал, ты уже спишь.

– Хватит об этом! – почти крикнула я. – Давай лучше думать, где она может быть, черт возьми! Такого еще никогда не случалось. Она всегда звонила, даже когда опаздывала на пять минут. – Произнеся эти слова, я вспомнила, что звонков с предупреждением об опоздании

тоже давно не было. Но все равно так поздно она никогда не приходила. – Вон, в новостях передавали, в Бристоле появился маньяк, насильник...

– Джен, успокойся. С кем она пошла ужинать? Что за компания?

Было совершенно ясно: он не хочет думать ни о чем, кроме того как бы поскорее лечь в постель.

– С приятелями. Ну, с теми, из постановки. Никитой и остальными. Это просто ужин, не вечеринка.

– А может, они решили потом зайти в какой-нибудь клуб?

– Кто ее туда пустит?

– У нее теперь такой вид, что вполне могут.

Я вспомнила ее новые туфли, улыбку и засомневалась.

– Ты думаешь, возможно, что они пошли в клуб?

– Давай немного подождем, – Тэд по-прежнему выглядел спокойным. – Для клуба сейчас совсем не поздно. Даже рано, если они веселятся. Ну хотя бы до половины третьего.

– А что потом?

– Думаю, к тому времени она вернется, – он потер ладонями лицо и направился в сторону кухни. – Если что, позвоним Шен. Ты, конечно, звонила Наоми!

Боже, я не звонила. Непонятно почему. Даже не проверила свой телефон на предмет сообщений. Полезла за ним, но его в кармане не оказалось.

– Где этот чертов телефон?

Протиснувшись мимо Тэда, я побежала на кухню. Наверное, валяется где-нибудь на диване. Да, вот он. Я быстро посмотрела на экран – сообщений не было.

Я набрала ее номер.

– Привет, это Наоми, – прозвучал в ответ ее голос. – Извините, но сейчас я очень занята. Оставьте сообщение, и я перезвоню. Обещаю. Пока.

Я лишь качнула головой, не в силах говорить.

– Давай-ка выпьем, – Тэд медленно подошел к буфету, налил два стакана виски, один протянул мне.

Алкоголь обжег горло, прошел дальше по пищеводу. Два пятнадцать. Через пятнадцать минут можно звонить Шен.

Но ждать не было никаких сил. Мне хотелось выскочить из дома, добежать до школьного театра, распахнуть дверь и громко позвать ее. Если она не отзовется, побежать дальше по главной улице, врываясь в каждый клуб, встречающийся на пути. Отталкивать вышибал и выкрикивать ее имя в толпу танцующих...

– У нас есть какая-нибудь еда?

– Что?

– Дженни, я оперировал до поздней ночи. Пропустил ужин в столовой. У нас есть какая-нибудь еда?

Я заглянула в холодильник. В глазах все расплывалось. Какие-то предметы – продолговатые, четырехугольные. Я нащупала сыр и масло. Холодные масляные комья плохо мазались на хлеб. Тэд забрал у меня нож и сделал сэндвич.

Тем временем я нашла номер телефона Никиты, записанный на розовом стикере, приклеенном к пробковой доске в стенном шкафу. Никита тоже не ответила. Неудивительно. Ведь телефон у нее в сумке под столом, а сама она танцует. Что еще делать в клубе, если пришли. Все уже устали и хотят домой, зевают, но приходится ждать, пока Наоми и Никита

закончат наконец танец. А тем хоть бы что, веселятся вовсю. Телефон звонит под столом, но никто не слышит. Шен, должно быть, тоже не спит. Тревожится, ждет. Только год прошел после ее развода с Нилом, одной в такие моменты куда тяжелее.

Половина третьего. Пора звонить Шен. Набирая номер, я вспомнила, как неделю назад она мне говорила, что Никита ей все рассказывает и советуется по любому поводу. Тогда я ей даже позавидовала: Наоми уже давно этого не делала. Теперь же я была рада, что Никита все еще доверяет матери. Значит, Шен знает, где их найти.

Она сняла трубку, голос сонный. Должно быть, заснула, как и я.

– Привет, Шен, – я попыталась говорить спокойно. – Извини, что разбудила. Где они, не знаешь? – Мне даже удалось рассмеяться. – Мы собрались за ними заехать, но Наоми забыла сказать, в какой клуб они пошли.

– Погоди, погоди...

Я представила, как она садится, приглаживает волосы, смотрит, прищурившись, на будильник на прикроватном столике.

– Я ничего не поняла. Повтори, пожалуйста.

Я вздохнула и медленно произнесла:

– Наоми до сих пор нет дома. Они, наверное, пошли куда-то после ужина. Никита тебе ничего не говорила?

– Так ведь ужин у них намечен на завтра, Джен.

– Нет, завтра будет вечеринка. А сегодня просто ужин.

– Насчет сегодняшнего ужина я ничего не знаю. А Никита здесь. Она очень устала и сразу заснула, когда я привезла ее после спектакля.

– Что? – тупо произнесла я. Услышанное просто не укладывалось у меня в голове.

– Я забрала ее сразу после спектакля, – повторила Шен. А затем спустя секунду тихо добавила: – И никакого ужина не было.

– Но Наоми сказала... – я не могла говорить, во рту пересохло, – она надела новые туфли и сказала...

Я вела себя как ребенок, которому не хочется принимать действительность такой, какая она есть. Ведь она надела новые туфли и ушла с сумкой, полной одежды. Как это не было ужина? Может быть, Никиту не пригласили?

– Я спрошу у Никиты, – произнесла Шен после долгого молчания. – И сразу перезвоню.

Перед моим носом с легким щелчком захлопнулись ворота, отделяющие меня от мира, где дети спокойно спят в своих постелях, уютно свернувшись под одеялами, и не надо звонить приятельнице в половине третьего ночи.

Стулья на кухне были холодные и жесткие. Я посмотрела на Тэда, удивившись, какое у него бледное лицо, и хотела что-то сказать, но боялась раскрыть рот. Знала, что закричу.

Зазвонил телефон, я моментально схватила трубку, но к уху приложила не сразу.

– Дженни, ты меня слышишь? – Голос Шен звучал с придыханием. – Не было никакого ужина. После спектакля все сразу разошлись по домам.

В ушах возник слабый назойливый звон, заполняя тишину, возникшую после ее слов. Я ухватилась за край стола, чтобы унять головокружение. Вокруг меня закачался мир.

– А можно мне поговорить с Никитой?

Долгое молчание свидетельствовало о том, как плотно закрылись передо мной ворота, отделяющие от благополучного мира.

– Но она спит, – нерешительно проговорила Шен.

Что значит спит? Как это так? Никита, целая и невредимая, спокойно спит, а наша дочь неизвестно где. Меня охватила злость.

– Наоми, возможно, похитили, ей угрожает опасность. А Никита наверняка знает что-то такое, что поможет ее найти... – У меня перехватило дыхание.

Тэд выхватил трубку.

– Привет, Шанайя. – Он на секунду замолк. – Да, я понимаю, тебе не хочется будить Никиту... Его голос был спокойный, с повелительными нотками. Вот так он разговаривал с врачами-ассистентами, когда они звонили ему, чтобы сообщить о проблемах в отделении нейрохирургии. – Но, понимаешь, если Наоми не появится в ближайшие минуты, нам придется звонить в полицию. А Никита может сообщить какую-то полезную информацию... – он замолк. – Да. Хорошо, мы выезжаем. Скоро будем у тебя.

Перед отъездом я заглянула в комнаты мальчиков. Наклонилась над постелью одного, потом другого. Тео зарылся под одеялом с головой и мирно сопел. Эд разметался в постели. Черная челка была влажной от пота. Выпрямившись, я поймала в зеркале свое отражение, освещенное уличным фонарем из окна, и не узнала. Казалось, там стоит какая-то незнакомая женщина, намного старше. Волосы всклокочены. Я причесала их расческой Эда.

У школьного театра Тэд остановил машину, и мы вылезли.

Я до сих пор не знаю, почему нам потребовалось тогда проверить. Неужели мы в самом деле думали, что ты еще там, спишь, поджав ноги, на сцене? Мы что, надеялись тебя разбудить, увидеть, как ты, сонная, нам улыбаешься, потягиваешься, разминаешь затекшее тело, бормочешь какие-то объяснения: долго переодевалась, устала?.. А потом, после объятий, мы надеялись повезти тебя домой?

Застекленная дверь была заперта. Я подергала ручку, вгляделась. В фойе горел ночник. Были видны выстроенные в ряд бутылки в баре, на полу недалеко от двери валялась разорванная программка. Мне даже удалось разглядеть набранные крупным красным шрифтом слова: «Вест» и «История», а также фрагмент изображения девушки в синей юбке с вихрящимся подолом.

Тэд вел машину очень осторожно. Хотя я знала, как он устал. Он нажал кнопку на приборной доске, чтобы включить подогрев спинки моего сиденья. От жары меня замутило. Я взглянула на него. Он смотрел прямо перед собой. Не в его характере было поддаваться панике. Я рожала Наоми очень трудно, и его спокойствие мне очень помогло. Он быстро организовал эпидуральную анестезию для кесарева сечения и присутствовал, когда приняли ее маленькое, все в крови, тельце. Пытаясь отвлечься от этих мыслей, я посмотрела в затуманенное брызгами морозящего дождя окно на пустынную улицу. Что было на ней? Дождевик? И, кажется, шарф? Оранжевый. Я вгляделась в деревья вдоль обочины, как будто надеялась увидеть этот шарф, запутавшийся в мокрых черных ветках.

Тэд позвонил в дверь Шанайи. Кругом царили тишина и спокойствие, и если бы кто-то проходил мимо, то увидел бы лишь припозднившихся супругов – обыкновенных, ничем не отличающихся от других. На нас были теплые пальто, начищенные туфли, мы стояли тихо, скрываясь от дождя под навесом.

По лицу Шанайи было видно, что она готова к неприятному разговору. Она обняла нас со спокойной серьезностью. В ее опрятной гостиной был жарко натоплен газовый камин. Никита сидела на диване ссутулившись, обняв подушку и подобрав под себя длинные ноги в пижамных брюках с изображением кроликов. Я улыбнулась ей застывшими губами, дрогнули лишь уголки рта. Шен села рядом с ней на диване, мы – напротив. Тэд взял мою руку.

– Детка... – Шанайя обняла дочку. Та смотрела вниз, наворачивая на палец прядь своих густых волос. – Дядя Тэд и тетя Дженни приехали спросить тебя насчет Наоми.

Я пересела на диван к Никите, по другую сторону от матери. Девочка слегка напряглась и отодвинулась.

– Где она, Ник? – я пыталась говорить как можно мягче.

– Не знаю, – Никита наклонилась, уткнув голову в подушку. До нас доносился ее приглушенный голос: – Я ничего не знаю. Не знаю, не знаю.

Шанайя встретила со мной взглядом поперх ее головы.

– Тогда можно я начну и расскажу тете Дженни то, что ты говорила мне? – Шен дождалась кивка дочери и продолжила, не поднимая на нас глаз: – Значит, Наоми сказала Никите, что после спектакля у нее встреча с парнем.

– С каким парнем? – спросил Тэд. Его слова совпали с моим прерывистым вздохом.

Вопрос звучал угрожающе. Значит, не мальчик, а парень, то есть старше. Мое сердце заколотилось что есть силы, и я испугалась, что Никита услышит и откажется рассказывать дальше.

– Она сказала... – робко продолжила Никита. – сказала, что у нее встреча с одним парнем. И что он очень сексуальный.

Я внимательно посмотрела на нее.

– Сексуальный? Наоми так и сказала?

– А что? Вы спросили, я ответила. – Никита наморщила лоб, на глаза у нее навернулись слезы.

– Да-да, конечно.

Боже, она никогда не произносила при нас подобных слов. Я попыталась вспомнить наши разговоры. Мы иногда затрагивали темы секса – контрацепция и все такое, но, кажется, Наоми это мало интересовало. Или я ошибаюсь?

– А он, что... она... – Я заблудилась среди предположений. – Он из вашей школы?

Никита отрицательно покачала головой.

Наконец голос подал Тэд. Заговорил легко, как о чем-то не очень важном.

– А этот парень... она давно с ним встречается?

Плечи Никиты чуть опустились, она перестала вертеть свои волосы. Прием Тэда сработал. Мне даже стало завидно, что у меня так легко никогда не получается. Вот и сейчас предательски подрагивал голос.

– Да, – Никита смотрела вниз. – Он иногда приходил в театр. Садился где-то в задних рядах.

– В задних рядах, говоришь? – и опять в тоне Тэда не ощущалось особенного интереса.

– Ага. Там и другие сидели, кто приходил на репетиции. А вообще-то... – Она подняла глаза. – Я не очень присматривалась.

– Как он выглядел? – быстро спросила я.

– Не знаю, – ответила Никита, не глядя на меня, и замолкла. – Кажется, волосы у него были темные.

Она придвинулась к Шен и закрыла глаза. Было ясно, что ей не терпится уйти, но Тэд все же отважился спросить:

– А сегодня? Что она сказала насчет сегодняшнего вечера? Как они собирались его провести?

Никита молчала.

– Она устала, – твердо произнесла Шен, вставая. – Пусть идет досыпать.

– Ну, Никита, пожалуйста... – Я легко коснулась ее руки. – Пожалуйста... что она сказала, когда вы расставались?

Девочка вскинула на меня свои карие глаза, расширенные от удивления. И в самом деле, мама ее лучшей подруги была всегда такая занятая, такая отчужденная, постоянно куда-то бежала, хлопотала по каким-то своим делам и вот сейчас вдруг заговорила умоляющим тоном.

– Она сказала... – Никита на мгновение замолкла. – Она сказала: «Пожелай мне удачи».

Дорсет, 2010

Год спустя

Осень плавно переходит в зиму.

Я напряженно прислушиваюсь к холодной утренней тишине, хотя результат известен заранее. Пора бы уже привыкнуть к отсутствию звуков, которые прежде воспринимались как сопровождающий жизнь фон. Приглушенный топот босых ног, кипящий где-то далеко на кухне чайник, доносящееся из приемника бормотание ведущих, негромкий звон фарфоровых кофейных чашек, шум воды в ванной. Звуки, окружающие любого человека, живущего нормальной жизнью. А тут тишина. Я открываю окно, и в комнату врывается мягкое, ласкающее слух дыхание моря. Как будто оно живое.

Проходя мимо ее комнаты, касаюсь двери. Она выбрала эту комнату, когда была маленькая, и всегда жила здесь во время наших летних приездов. Ей тогда очень нравилось представлять, будто дом – это корабль, а небольшое круглое окно у ее кровати – иллюминатор.

Деревянная дверь под моими пальцами холодная и влажная. Полицейские давно уже забрали матрас и постельные принадлежности. Тэд смыл с пола кровь. Я не заходила туда ни разу с тех пор, как приехала.

Лежа в ванной, я взмахиваю рукой, и отраженная в воде оконная рама рассыпается на мелкие частицы. Внизу звонят в дверь. Я быстро вылезаю, вытираюсь полотенцем. Затем надеваю халат, спускаюсь и, увидев сквозь стекло входной двери мужчину в форме, хватаюсь за перила. Возможно, вот он, долгожданный момент. Мне пришло сказать, что найдено что-то, принадлежащее ей. Полусгнивший каблук от туфли, серебряный брелок от браслета, а может, что-то еще, более важное. Я уже много раз представляла себе это событие, но все равно замираю, как будто меня поразили выстрелом. Наконец мне удается разглядеть красный жетон на его куртке и объемистую сумку. Это почтальон.

Я открываю дверь, он протягивает мне бандероль. В ней кисти, заказанные в художественном салоне в Бристолле. На половик падает открытка с видом горного кряжа в Уэльсе. Это от Тэда. Он таким способом поддерживает связь. Никаких сообщений на телефон, как обычно.

Я сижу на кухне, успокаиваюсь. Затем придвигаю альбом для рисования и переворачиваю страницу.

Ее исчезновение было зафиксировано официально, когда приехали полицейские в патрульной машине. В стеганых куртках, с жетонами. Это случилось под утро, где-то в четыре или пять, но за окнами еще было темно.

Поверхность карандаша неровная, и пальцы это чувствуют. Где-то посередине есть вмятинки в тех местах, где я его прикусила, когда рисовала толстовку с капюшоном, обозначая складки короткими серыми линиями.

Бристоль, 2009

Ночь исчезновения

Стоящему на пороге полицейскому на вид было лет пятьдесят пять. Бесцветные глаза, под ними мешки. Внешне он казался спокойным, но в его взгляде мне почудилось некоторое

смущение. Из-за его спины выглядывала женщина – невысокая шатенка с модной прической и ярко покрашенными красными губами. Надо же, в такую рань на ней новенькая форма, макияж.

– Доктор Малколм? – произнес мужчина подчеркнуто нейтральным тоном.

Дома я всегда была только матерью и женой, но не доктором. Впрочем, если полицейскому так обращаться удобнее, пожалуйста.

– Да, – ответила я, впуская их в дом.

– Я констебль Стив Уэрэм, а это констебль Сью Даннинг.

Он снял шляпу, показав редкие седые волосы, и пожал мне руку.

Сочувствие в его взгляде пока не было таким, какого я страшилась. Сочувствием потере. Женщина повела себя несколько иначе. Руки не подала, только кивнула. Как будто боялась ко мне прикоснуться, считая женщину, у которой пропал ребенок, заразной.

Я пригласила их на кухню. Мы только что вернулись от Шен. С тех пор, как Наоми должна была вернуться домой, прошло уже больше четырех часов, и мне хотелось как можно скорее рассказать им о том парне, заставить их поторопиться. Чтобы они немедленно отправились в погоню. Их еще можно догнать. На улице дождь, он везет ее в машине, потом заводит в дом, запирает дверь, поворачивается. Она плачет. Нет-нет, она никогда не плачет. Поторопитесь.

Тэд начал рассказывать все по порядку, и это заняло у него, с ответами на вопросы, почти час. А вопросов было много. Они попросили принести ее ноутбук, а также свидетельство о рождении и паспорт. Позвонили ей на мобильный, но на этот раз автоответчик не сработал, даже не было гудков. Наверное, телефон разрядился.

Но то, что мобильный Наоми не отвечает, еще ничего не значило. Когда Стив Уэрэм сказал, что, если бы аккумулятор телефона был заряжен, можно было бы определить его местоположение, меня охватило отчаяние, смешанное со страхом.

Я дала им сравнительно недавнюю школьную фотографию Наоми, на несколько секунд задержав на ней взгляд. Оказывается, всего несколько месяцев назад дочь выглядела совсем юной. На сияющем лице широкая улыбка, волосы собраны в хвост. Совсем другая, не такая, какой я ее видела в последний раз, перед спектаклем. Мне вспомнился разлитый на туалетном столике тональный крем.

Они спросили, было ли у нее хобби.

Может быть. Я не знала. Я целыми днями на работе, не могу знать все.

Констебль на мгновение вскинул брови и начал спрашивать о школе, затем о докторе, который ее наблюдал, о дантисте. Дантист? Да-да, понятно. Видя, как потемнело лицо Тэда, я поняла, что он тоже уловил смысл.

Они попросили назвать фамилии приятелей-одноклассников. Друзей. Была ли она в близких отношениях с кем-то из мальчиков?

У нее никого не было. Как это не было? А кто приходил в театр и сидел в заднем ряду? Парень с темными волосами, которого она считала сексуальным. Который ее увел. Может быть, в этот самый момент он делает ей больно, толкает на пол, стаскивает одежду, подминает под себя, зажимая ладонью рот.

Я прикусила губу, чтобы не закричать.

Они все обстоятельно записывали. Констебль Сью Даннинг дала мне бланк заявления о пропаже человека. Попросила заполнить. Сказала, что называть это похищением пока рано, поскольку нет свидетельств.

Я начала писать дрожащей рукой. А они продолжали говорить, задавать вопросы. Какой у нее рост? Примерно пять с лишним футов. Вес? Восемь стоунов. Да, она стройная. Нет, отсутствием аппетита не страдала, просто все время на ногах; а ела много.

Вчера я не настаивала, чтобы ты поела. Думала, поужинаешь со всеми там, куда вы пойдете после спектакля.

Во что она была одета перед уходом? Дочка спускалась вниз с полиэтиленовым пакетом в руке. Кажется, на ней был дождевик. А может быть, школьная куртка. Серая, с капюшоном. Погодите, я попробую вспомнить. А лучше схожу посмотрю в гардеробе и скажу точно.

Надеюсь, на тебе был дождевик, не хотелось бы, чтобы ты промокла под дождем.

После спектакля она, конечно, переделалась и... на ней были новые туфли. Черные, с ремешками, на высоких каблуках. Я их видела впервые.

Вы не думаете, что это подарок? Ну, такой трюк, чтобы завоевать доверие.

На руке у нее был браслет с брелоками. Возможно, это важно. А в том пакете были небольшие дырочки.

Откуда этот пакет? Не знаю. Может быть, из магазина «Теско»? Или супермаркета «Вейтроуз»?

Если соберешься бежать, сними туфли. А то подвернешь ногу.

Какие у вас с ней были отношения? Не ссорились? Прежде она когда-нибудь пропадала? Не было ли попыток суицида?

Вопросы жесткие, беспощадные сыпались и сыпались на меня. А я была совершенно измотана. Как они не понимают? Она играла в спектакле главную роль. Конечно, уставала, бывала раздражительной, иногда капризной, но это в порядке вещей.

Во время разговора с ними я настороженно прислушивалась. Ведь в любой момент могли прозвучать ее шаги. Она войдет как ни в чем не бывало с заранее подготовленными оправданиями, удивленная поднявшимся переполохом.

Стив Уэрэм встал.

– Прежде чем начать действовать, нам необходимо осмотреть дом.

Я удивилась. Он что, нам не верит?

– Зачем? – спросил Тэд.

– Видите ли, – произнес он мягко, – многих якобы пропавших детей обнаруживают прямо в доме. Они прячутся в разных местах, но чаще в гардеробах. Так что поиски надо начинать с осмотра дома.

Тэд повел их наверх. Они тщательно проверили все, особенно стенные шкафы и гардеробы. Спокойно, методично. Заглянули на чердак. К мальчикам тоже зашли, но не потревожили. Осмотрели садовый сарай и даже передвижные мусорные контейнеры. Я ждала на кухне у телефона. Вернувшись, они выглядели усталыми.

– Позже к вам зайдет сотрудник полиции, чтобы исключить вас из числа подозреваемых, – сказала Сью Даннинг, слегка смутившись. – Так у нас положено.

Ей не следовало смущаться. Я была согласна на все, лишь бы они поскорее начали действовать и нашли ее.

Тэд спросил, что они теперь намерены делать, и она показала ему список. Там значились посещение школы, театра, встреча с Никитой для снятия свидетельских показаний, изучение записей в Фейсбуке, проверка ее ноутбука, мобильных телефонов друзей на предмет текстовых сообщений, беседы с учителями, обход клубов, пабов, ресторанов, авторемонтных мастерских, вокзалов, морских пристаней, аэропортов. Интерпол. И наконец,

если она через сутки не вернется, придется привлечь средства массовой информации.

– Ну конечно, конечно, – проговорил Тэд, беря меня за руку.

– И последнее, – произнес Стив Уэрэм. – Нам нужна зубная щетка вашей дочери. На всякий случай.

В ее ванной комнате в желтом пластиковом стакане стояла розовая зубная щетка, показавшаяся мне на удивление детской. Сью Даннинг сунула щетку в небольшой полиэтиленовый пакет, и она теперь превратилась в предмет, содержащий ДНК пропавшего человека. На всякий случай.

– Спасибо за помощь. – Стив Уэрэм тяжело поднялся, прижимая руку к пояснице. Его лицо выглядело усталым. Я подумала, что, наверное, это нелегко – встречаться с родителями, у которых пропал ребенок, и на пару мгновений мне стало его жалко.

– Мы передадим всю информацию дневной смене, которая начнет работу в семь утра. И сообщим о происшествии в отдел уголовного розыска. Нам пока не известно, связано ли исчезновение вашей дочери с каким-то преступным умыслом, но таков порядок. – Он помолчал. – А к вам у нас настоящая просьба: постарайтесь вспомнить события, связанные с вашей дочерью, за последние несколько недель, и особенно дней. Может быть, вы что-то не заметили, просмотрели. Все, что может показаться необычным в ее поведении, обязательно запишите и потом расскажете нам. Это может помочь. Ее ноутбук я на время забираю. – Он улыбнулся, и выражение его лица стало мягче. – Через пару часов к вам заедет Майкл Копи, детектив, занимающийся такого рода происшествиями в вашем районе.

Через пару часов. А что будет в следующие пять минут? И в следующие?

Но у них есть фотография. Это поможет.

Правда, на ней не видно, как ее волосы на солнце отливают золотом.

У нее есть маленькая родинка, под левой бровью.

Она чуть пахнет лимоном.

Она никогда не плачет.

Найдите ее.

Дорсет, 2010

Год спустя

Небольшая утренняя суэта в деревне постепенно стихает. Впереди скучный день, и на меня накатывает привычная тоска. Ее легче переносить, если не двигаться. В прошлом, посещая пациентов на дому, я иногда могла поставить диагноз, лишь взглянув на позу, в какой лежит больной. Например, при аппендиците, разрыве брюшной аорты, менингите возникает спазм гладкой мускулатуры. Человек застывает.

Я лежу неподвижно часами, особенно летом. Наблюдаю, как пляшут пылинки в лучах солнечного света, заглядывающих в окна дома по очереди. Мысли о том, как хорошо было бы умереть, конечно, меня посещают, но я их отбрасываю. Ведь тогда я не смогу увидеть ее, появившуюся в дверях. К тому же нельзя бросать мальчиков. И наконец, на кухне спит пес. Ее пес.

Как будто что-то почуяв, Берти вылезает из своей корзины, зевая и виляя хвостом. Следит за мной, когда я направляюсь к нему. Глажу теплую шею, пристегиваю поводок. В очередной раз отмечаю, что его густая шерсть с возрастом становится жесткой. Не забываю положить в карман блокнот и карандаш.

Задняя дверь кухни выходит в сад, за ним поле. Коттедж этот мне подарила мама незадолго до смерти. Теперь вот у меня есть место, где можно укрыться. Значит, мне повезло.

Везение. Счастливый случай. Это мой счастливый день, пожелай мне удачи. Такими выражениями мы обычно описываем случающиеся в нашей жизни повороты судьбы. Ворота, которые внезапно раскрываются перед нами, а иногда закрываются прямо перед носом. До самого последнего времени Наоми не нуждалась в удаче. Она считала, что родилась счастливой. И я тоже так считала. И вообще мне казалось, что в нашей семье все счастливы. Всего год назад я думала, что у нас есть все.

Трудно определить, с какого момента начались перемены. Я снова и снова в мыслях возвращаюсь назад, в разные моменты времени, пытаюсь понять, когда именно изменилась моя судьба. На это повлияло множество факторов. Если бы я не решила стать врачом, если бы тогда, много лет назад, Тэд не помог мне нести книги из библиотеки, если бы в тот злополучный день я не торопилась на работу в свой врачебный кабинет. И вообще, если бы у меня было больше времени. Время было на исходе, но я тогда этого не знала.

Я поднимаюсь по дорожке на вершину скалы, останавливаясь в ожидании, пока Берти перелезет через серые валуны. Наверху порыв ветра бросает мне в лицо брызги, словно идет дождь. На губах соленая влага, больше напоминающая слезы, чем дождь.

Я вспоминаю тот день моей врачебной жизни, когда часы начали отсчитывать время, оставшееся до расставания с Наоми. День, когда я увидела Джейд, был подобен попавшему в глаза соусу чили.

Я сажусь на скамейку, устремляю взгляд в распростершиеся передо мной небо и море и, достав из кармана блокнот, начинаю рисовать игрушечного жирафа. Испещряю шкуру пятнами, делаю одно ухо косматым. Берти устраивается рядом, кладет голову на мои ступни, приготовившись к долгому ожиданию. Время от времени он поскуливает.

Год назад, второго ноября, я понятия не имела, что оставалось всего семнадцать дней.

Бристоль, 2009

За семнадцать дней до исчезновения

Дождь шел весь день. Пациенты входили с мокрыми зонтами, впуская в помещение клиники гул улицы, в которую упирался наш тупик.

Клиника располагалась вблизи порта, втиснутая между мебельным магазином и заброшенным автопарком, заваленным всяким хламом и заросшим высокими сорняками, которые пробились сквозь трещины в асфальте. Соседние улицы были застроены тесно прижавшимися друг к другу викторианскими домами с верандами. Когда едешь в автомобиле на работу, в просветах между старыми пакгаузами изредка мелькает темная портовая вода.

Клиника, где я работала, пользовалась в этом районе популярностью, скорее всего из-за удобного местоположения. В небольшой приемной всегда толпились пациенты, и времени никогда не хватало. За отведенные на каждого семь минут невозможно было дать человеку то, в чем он нуждался. Но я, врач общего профиля, стремилась помочь каждому по мере сил. И не сомневалась: они знают, что мы на их стороне. Во всяком случае я так думала до того вечера. Я многое помню: например я помню запах.

К концу дня в кабинете устанавливался весьма неприятный запах, но тут уж ничего не поделаешь, пациенты приходили с разными болячками. Шторы на окнах были задернуты, чтобы отгородиться от улицы, поэтому вдобавок ко всему здесь было душно. На полу валялись детские игрушки. Раковина в углу была завалена грязными инструментами, мусорные урны забиты использованными бумажными салфетками и полотенцами.

В тот день я сильно устала. Миссис Бартлет меня вымотала. С большим трудом мне удалось наконец разглядеть полип на шейке матки. Я выписала ей направление в больницу и посидела пару минут, откинувшись на спинку кресла. Затем встала, навела порядок в раковине, помыла руки, посмотрела список пациентов и увидела, что следующий по очереди – молодой человек, Йошка Джонс. Странное имя. Может, поляк? Живет в этом районе временно.

Зевнув, я посмотрелась в небольшое зеркало над раковиной. Пряди волос выбились из прически, упали на лицо. Макияж немного смазался. Пришлось привести в порядок и себя. Затем я вызвала Йошку Джонса, надеясь, что недомогание у него несерьезное.

Он вошел. Над вид – лет двадцать пять, загорелый, скуластый. Мне потребовалась секунда, чтобы определить, что он ничем не болен. Такие вещи я распознаю быстро.

– Я вас слушаю.

– Болит поясница, это у меня наследственное. – Выговор уэльский. Рука, сильная и натруженная, лежит на столе близко к моей.

Я убрала руки со стола на колени.

– У вас есть предположения, чем это вызвано?

– Думаю, перенапрягся. Долго носил на руках маленькую сестренку, – слова эти он произнес, как будто оправдываясь: – Ей нравится, когда я катаю ее на спине. Но девочка растет и становится тяжелой.

– Слишком баловать ребенка таким способом не советую, – сказала я, хотя сама очень любила носить Наоми на руках, даже когда она уже начала ходить. Мне нравилось видеть ее лицо близко к своему. – Спускайте ее на пол, пусть ходит сама.

Мне показалось, что в его глазах мелькнула злость, но разбираться времени не было. Положенные семь минут истекали, а мне еще нужно было посмотреть его спину.

Она была в отличном состоянии. Хорошо развитые мышцы вдоль позвоночника были похожи на две толстые змеи, но когда я попросила Йошку перевернуться на спину и подняла его ногу, он поморщился. Все ясно. Пояснично-крестцовый радикулит, правда в начальной стадии, потому что рефлексы и ощущения были нормальные.

Я выписала ему кое-какие анальгетики и дала брошюрку с упражнениями, которые необходимо делать. Он встал и с улыбкой протянул мне руку. Если в первые моменты в его поведении был намек на какую-то враждебность, то сейчас Йошка Джонс был само обаяние. Сунув рецепт и брошюрку в карман, он направился к двери, по пути задев ногой одну из игрушек. Она отлетела к стене. Когда дверь закрылась, я ее подняла. Это был пластиковый утенок, изрядно помятый и потертый. Оранжевый клюв, одна лапа оторвана. Пришлось выбросить его в мусорную корзину.

Вернувшись на место, я вызвала следующего пациента. Это была девочка по имени Джейд, с мамой. Десять лет, но выглядела она младше. Смирно стояла, пока мама ее раздевала. На руках, ногах и даже на лице у нее были странные синяки, но на ее миловидном лице я не увидела никакого смущения по этому поводу. Она внимательно смотрела на меня, сжимая в руке игрушечного жирафа. Это был ее пятый визит ко мне с жалобами на быструю утомляемость, плохой аппетит и неопределенные боли в области живота. Недавно появился еще и кашель. До сегодняшнего дня ничто из всего этого не вызывало у меня особой тревоги, но вот синяков прежде не было.

– Ночью она не дает нам спать своим кашлем, – проговорила мать хриплым голосом, устремив на меня свои жесткие зеленые глаза.

– А откуда синяки?

– Не знаю. – Женщина пожала плечами. – Пришла вчера домой из школы вот такая, вся в синяках. Говорит, по дороге споткнулась и упала. Но я думаю, ее побили дети. Над ней в классе издеваются.

– Почему?

– Откуда мне знать?

Доставая стетоскоп, я улыбнулась девочке:

– Не возражаешь, если я тебя послушаю?

Светлая головка согласно качнулась.

Под рубашкой вся грудная клетка у нее была в синяках. Спина тоже. В груди прослушивались слабые хрипы, но не более того. Я осмотрела ее всю. Синяки обнаружили даже на внутренней стороне бедер. А вот это уже совсем никуда не годилось.

Пока мама одевала Джейд, я выписала рецепт на антибиотики и микстуру от кашля.

– Давать по столовой ложке три раза в день. Должно помочь. И приходите через два дня, я снова ее посмотрю.

Мать кивнула и направилась к двери, ведя Джейд за руку. А я зашла в смежную комнату, в кабинет нашей сестры, Линн. Рассказала о Джейд.

Линн озабоченно нахмурилась.

– Ее ни разу не приводили на вакцинацию. Прошлым летом сестра, которая меня здесь замещала, делала ей перевязку. Тоже сказала, что где-то упала и поцарапалась. Отец у девочки сильно пьющий. Несколько недель назад я накладывала ему швы – поранился в драке, – так боялась, как бы он на меня не набросился. Такой у него был вид.

Во время стажировки в отделении травматологии на ночных дежурствах я встречалась с пьяными мужчинами, которых привозили с открытыми ранами на голове. Помню, зашиваешь

дрожащими руками ему рану, а он скрипит зубами и сжимает кулаки. Значит, отец Джейд из таких.

– А что у нее за мать?

Линн пожала плечами:

– Толком не знаю. – Она посмотрела на экран компьютера, порхнув пальцами по клавишам. – Анализы ни разу не сдавала. Но побывала на приеме у Фрэнка с жалобами на депрессию. Он выписал ей циталопрам. Повторно не показывалась.

В голове у меня уже сложилась примерная картина.

– Спасибо, Линн. Когда будет время, напомните, пожалуйста, матери Джейд о вакцинации.

– Хорошо.

Вернувшись к себе, я позвонила социальному работнику, оставила сообщение. Школьной медсестры на месте не оказалось, но мне дали номер ее мобильного телефона. Она ответила в ту же секунду.

– Джейд Прайс? Да, я ее знаю. Тихая, спокойная девочка. Но живет не особенно счастливо.

– А в чем дело?

– Одинока. Дети ее сторонятся. Во-первых, необщительная тихоня, а во-вторых, папаша. Часто забирает ее из школы сильно на взводе.

Это еще больше укрепило мое мнение относительно происхождения у девочки синяков. Однако надо было продолжать прием, так что звонок социальному педиатру я отложила на потом. Завтра надо будет сообщить об этом и руководителю клиники, Фрэнку Дрейкотту. Он должен знать.

В кармане завибрировал мобильник. Я вытащила, посмотрела на дисплей. Эд. Сколько раз я просила детей не звонить мне во время работы. Убрав телефон, я вызвала следующего пациента.

Найджел Аркрайт, сорокалетний страховой агент, жаловался на повышенное артериальное давление. Я обернула манжету прибора вокруг его белой творожистой руки. Глянула на пальцы, похожие на бледно-розовые сосиски – дешевые, с тонкой кожицей, которую легко распороть легким касанием ножа. Давление было повышенным, но не слишком. Я вручила ему буклет с рекомендациями по здоровому образу жизни, направления на анализы и назначила дату следующего приема. Он ушел, что-то бормоча себе под нос.

Духота в кабинете уже начала меня изводить, и я обрадовалась, когда в перерыве между пациентами наша секретарша Джо принесла мне чашку чая. Ее волосы были распущены, локоны обрамляли лицо. Джо осторожно поставила фарфоровую чашку на стол между бумагами.

Сделав пару глотков, я обвела глазами фотографии на стене. Пора бы их уже заменить. Широко улыбающаяся пятилетняя Наоми с глазами, сузившимися до щелочек, прижимала к себе Берти и новую куклу. Рядом смеющиеся мальчики. А вот фотография с празднования прошлого Нового года. Тэд обнимает нас всех. Должно быть, он говорил в этот момент что-то забавное, потому что все смеялись. Только Наоми почему-то угрюмо смотрела в объектив. Я допила чай и вызвала следующего пациента.

Пасмурный день клонился к вечеру. Пациент следовал за пациентом, казалось, им нет конца. А тут еще Джо заглянула в кабинет с тревожно расширенными глазами и сказала, что только что привезли маленького Тома с приступом астмы. Его мама, симпатичная молодая

женщина не старше девятнадцати, с дредами, испуганно молчала. Том потел, и дыхание у него было опасно слабым. Я подключила мальчика к ингалятору, и он, вдыхая смесь вентолина и кислорода, начал покачивать головой, а потом крепко заснул. Минут через десять его с мамой отвезли на машине «Скорой помощи» в больницу. Думаю, к утру состояние Тома будет стабильным.

После их ухода в кабинете стало неожиданно тихо. Наконец я сообразила, что пациентов сегодня больше не будет. Глянула на стол, где поверх бумаг лежал стетоскоп. На полу валялся шпатель для языка. Когда я его уронила?

Теперь следовало сделать то, что положено в конце каждого рабочего дня, – привести в порядок бумаги, надиктовать сообщения для педиатра и социальных работников.

Вызовов на дом не было. Джо заглянула ко мне попрощаться перед уходом. Я набросала список того, что надо сделать утром, прилепила к стойке у компьютера и наконец вышла на опустевшую улицу, где в подернутых маслянистой пленкой лужах мерцали оранжевые огни.

В мебельном магазине окна уже были закрыты ставнями. Из паба неподалеку доносились взрывы смеха. Направляясь к своему отнюдь не новому «Пежо», оставшемуся на стоянке в одиночестве, я шарила в сумке, пытаюсь нащупать ключи. На мгновение почувствовала укол страха: вдруг потеряла? Но нет, вот они, на месте.

В салоне меня встретили знакомые домашние запахи, среди которых преобладали собачий и морской, от гидрокостюма. Нашу семью нельзя назвать преуспевающей, но, несомненно, ее жизнь была наполненной и счастливой. Так, по крайней мере, мне тогда казалось.

Поставив ноги на потрепанный коврик кустарной работы, я достала из оставленного на пассажирском сиденье целлофанового пакетика желейную конфету. Сунула в рот, включила зажигание и поехала.

Дорсет, 2010

Год спустя

С поля, что рядом с коттеджем, ветер доносит запахи травы и навевает воспоминания о том, как я гуляла с ней под вечер в саду. Но иногда мне кажется, что это пахнет похоронами.

В сером пространстве передо мной всплывает лицо Наоми – неотчетливо, словно в тени. Вдали плещется море. Я прислушиваюсь и обнаруживаю, что его вздохи превратились в биение моего сердца. Уже на шестой неделе ее сердечко стучало рядом с моим. Я тогда тайком устроила сеанс УЗИ и, глядя на пульсации крошечного органа на экране, прикусила губу. Мне казалось невероятным, что оно может вот так работать все время, не зная усталости. Затем, спустя годы, когда у нее был кашель, я прижимала ухо к нежной коже и вслушивалась в ласковый шум, напоминающий быстрые взмахи птичьих крыльев. Возможно ли, что она, почувствовав свой конец – если с ней такое случилось, – ощутила замедление сердца перед остановкой? Достаточно ли в умирающем мозгу ресурсов, чтобы зафиксировать этот момент?

Задумавшись, я споткнулась о выступающий из земли корень дерева и сильно ударилась головой о шершавый ствол. Но боли не ощутила, как слон, которому брызнули в глаз соусом чили.

Где-то в стенном шкафу у меня должны быть бинты. Пыльные полки завалены разной ненужной одеждой, но за ней пальцы нащупали небольшую матерчатую сумку. Однажды она сорвалась с садовой стены и поранила голову. С тех пор там остался маленький шрамик. Я его видела каждый раз, когда расчесывала шелковистые волосы дочери.

А может, она повредила голову? Подобные травмы часто оказываются смертельными.

Боже, не пора ли прекратить эту пытку? Бывают вот такие плохие дни, как сегодня, когда дурные мысли не дают покоя. Мучают и мучают.

Я быстро промыла ссадину, промокнула ее насухо и заклеила пластырем. Тем временем пес Берти, тихо повизгивая, тыкался носом мне в ногу. Только сейчас вспомнив, что он голоден, я насыпала в его миску корма из банки, смешав с печеньем.

Вот так же было и тогда.

Бристоль, 2009

За семнадцать дней до исчезновения

Сложив выглаженное белье, я посмотрела в окно. Оно уже было темным, и на его фоне ярко выделялись крупные головки хризантем из букета. В кухне плавал пряный аромат мяса со сковороды, стоявшей на медленном огне. Берти начал тыкаться носом мне в ногу, и я вспомнила, что его нужно покормить.

Потом мы вышли погулять. Пока пес обнюхивал опавшие листья и лакал воду из луж, я вглядывалась в освещенные окна домов, мимо которых мы проходили. В одном мелькнул край полированного книжного шкафа, в другом – стол, уставленный бокалами. Трудно было представить, что в каком-то из этих замечательных домов есть шкаф, такой, как у нас, набитый сломанными будильниками, старыми ненужными ключами, компьютерными деталями и кружками с отбитыми ручками. Когда мы миновали последний дом, кто-то внутри закрывал высокие деревянные ставни.

Я прошла по нашей улице до конца и поднялась на холм, оказавшись на травянистой площадке, откуда открывался великолепный вид на подвесной Клифтонский мост. В наступившем полумраке казалось, что он парит в воздухе. Глядя на поблескивающую далеко внизу реку, я вдруг вспомнила казус, случившийся со мной прошлым летом на Корфу во время купания в море. В какой-то момент мне показалось, что я не могу вспомнить, как делать движения руками, чтобы держаться на плаву, и меня охватил страх. Я уже представила, как погружаюсь в темную пучину, беспомощно пытаюсь ухватиться за пустоту. А потом перевернулась на спину и поплыла. Вылезла на каменистый берег, вслушалась в стрекотание цикад, вдохнула аромат тимьяна, и страх прошел.

Таща за собой на поводке Берти, я поспешила домой, громко стуча каблуками по тротуару. Умение плавать забыть невозможно. Тело помнит все движения и выполнит их автоматически. В этом все и дело.

Близнецы играли на гитарах, сидя на диване у окна. Увидев меня, Эд отрывисто кивнул и, ссутулившись, продолжил перебирать длинными пальцами струны. За этот год он сильно вытянулся и похудел, лицо осунулось, щеки ввалились. Заметив, что я его разглядываю – а эти изменения в нем меня по-прежнему удивляли, – он отвернулся.

Я вспомнила о звонке.

– Извини, дорогой, что не ответила, было много работы. В следующий раз оставь сообщение, а лучше подожди до встречи дома.

Эд пожал плечами. Он уже давно не делился со мной тем, что с ним происходит. И Наоми тоже. Я даже не могла вспомнить, когда в последний раз мы с ней говорили по душам. Неужели так у всех, когда дети подрастают? Я чувствую, что постепенно становлюсь для них чужой. Не совсем, конечно, но как будто наблюдаю за ними издалека.

Снимая пальто, я перевела взгляд на Тео. Он брэнчал на гитаре и что-то напевал, прикрыв глаза и откинув голову. Галстук развязан, книги по искусству валяются рядом на полу, усыпанные крошками от тостов.

Почувствовав мой взгляд, он открыл глаза, и его веснушчатое лицо осветилось широкой улыбкой. Мне тут же захотелось его обнять. По крайней мере, Тео остался прежним – простым и веселым. Без всяких заморочек.

Я посмотрела на Эда. Он хмуро наблюдал за нами. Вот ведь как бывает, даже не верится. Близнецы, но не только внешне не похожи, но и характеры совершенно разные. Как и отношение ко мне, хотя любовь и внимание я всегда делила между ними поровну.

Четыре унции масла, четыре – сахара, какое-то количество муки, несколько яичных желтков. Затем, нарезав яблоко, я скатала тесто и поставила в духовку, действуя на автомате.

Задняя дверь с шумом распахнулась.

– Привет, песик, – весело сказала Наоми, набрасывая на Берти свою черную куртку. – Ты соскучился по мне?

Светлые пряди ее волос упали ему на нос, и он шумно чихнул. Она подняла глаза, увидела меня у плиты, и ее улыбка тут же растаяла. Хотя я продолжала улыбаться.

– Знаю, что ты собираешься сказать, так что не трудись. Репетицию я пропускать не стану, домашние задания сделаю в перерыве, за кулисами. Сейчас иду переодеваться.

Ее резкий раздраженный тон меня задел.

– Я не собиралась говорить о домашних заданиях. Но если ты...

Не дослушав, она повернулась и начала подниматься по лестнице, волоча ноги. Дверь наверху захлопнулась.

Обычно она легко избегала к себе навстречу. Значит, устала.

Я потушила фасоль – она ее любит – и присыпала сверху обжаренным миндалем.

Устала и раздражена. Не за горами экзамены в школе, а тут эти бесконечные репетиции. Мальчики собрали книги и двинулись по лестнице, разговаривая. О чем, я не расслышала.

На кухне стало тихо. Наслаждаясь приятным чувством, когда дети наконец дома, я взбила картофельное пюре, затем приготовила сэндвичи для Наоми – взять с собой. И термос с горячим шоколадом. Это будет ее ужин. Мне вдруг вспомнилась Джейд. Сегодня она казалась особенно худой. Может, ее не кормят?

Позвонили в заднюю дверь. Я пошла открыть. Это приятели Наоми зашли за ней по пути на репетицию. Она вышла через кухню, и вскоре все исчезли, весело переговариваясь.

Не могу представить, сколько прошло времени, прежде чем я услышала, как отворилась парадная дверь. Звякнули брошенные на стол ключи. Затем раздались быстрые шаги по лестнице на кухню.

– Ты весь пропах больницей, – пробормотала я, прижимая лицо к холодной и жесткой щеке Тэда. После работы от него всегда пахло дезинфекцией, почему-то с легкой примесью лаванды.

Он посмотрел через мое плечо на стол и улыбнулся.

– Какой чудесный вид. – Быстро открыл шкаф, достал бутылку, налил два бокала вина. Один протянул мне.

– Как прошел день?

Тэд был приятно возбужден, и я не стала рассказывать о девочке с синяками и как раздраженно со мной разговаривала Наоми. Ни к чему это.

– Прекрасно. А как у тебя?

– Потрясающе. Девочка пошла на поправку. Ей намного лучше. Случай привлек внимание иностранной прессы. Весь день в больницу звонили журналисты. – Он заходил по кухне, не в силах стоять на месте, ероша волосы.

Случайно посмотрев на стол, я увидела, что пакет с сэндвичами так там и лежит.

– Крики прекратились. Галлюцинации тоже, – он повернул ко мне сияющие голубые глаза. – Это прорыв в нейрохирургии. Лечение психопатии оперативным путем.

Спустившиеся на ужин мальчики, время от времени поглядывая на отца, молча слушали его рассказ о том, чего стоило вернуть девочке здоровье. Какие пришлось сделать анализы и исследования. Ведь речь шла об операции на мозге. У ребенка были симптомы классического психоза с параноидальным бредом. Она плескала горячий чай на сестер, кусалась. А сегодня, сразу после операции, начала рисовать цветы.

Зазвонил телефон. Репортер из «Дейли мейл» просил рассказать о чудесном исцелении. Тэд поднялся с трубкой навстречу.

Тео тут же взялся изображать, будто сверлит голову Эда тупым концом вилки, приговаривая:

– Сейчас я вылечу тебя окончательно, – а затем, не дав брату опомниться, завопил: – Голоса у меня в голове приказывают тебя убить!

– Идите вверх и делайте домашние задания, если закончили, – сказала я строго. – От мытья посуды я вас освобождаю. Кстати, Тео, ты показывал папе свою работу?

– Которую?

– «Место человека в природе». Нельзя, чтобы он увидел ее сразу на выставке.

– Боюсь, он меня убьет.

– Нет, дорогой, это все равно нужно сделать.

Они ушли, я немного посидела в тишине, а потом начала убирать со стола. Эд больше половины еды оставил на тарелке. Видно, перед ужином наелся тостов.

Когда вошла Наоми, я еще была на кухне. Она вернулась на час позже обычного.

– Как прошла репетиция? – спросила я, вглядываясь в темные тени у нее под глазами.

– Прекрасно. – На ее лице блуждала улыбка.

Я ждала хоть какого-то рассказа, как это бывало прежде. Раньше она пересказывала шутки, говорила о замечаниях, какие делала ей режиссер. А сейчас просто сняла куртку, налила себе стакан молока и молча выпила. Витая мыслями где-то далеко отсюда, избегая встречаться со мной взглядом.

Когда она направилась к лестнице, я не выдержала:

– Ты что, так ничего и не расскажешь?

– Отстань, мам. Я устала.

А ведь было время, когда Наоми говорила – не остановишь. Задавала вопросы, делилась сомнениями, шутила. Я шла посмотреть почту на компьютере, а она следовала за мной, садилась на подлокотник кресла и продолжала говорить. Теперь я уже не могу и вспомнить, когда это было. Кажется, очень давно.

Когда она проходила мимо, я уловила слабый запах табака.

– Наоми!

Она раздраженно обернулась.

– Ты что, курила?

В ее ясных голубых глазах не отразилось никакого смущения.

– С чего ты взяла? Это Иззи курила в раздевалке после репетиции. Расстроилась. Миссис Мирс недовольна ее игрой, – она пожала плечами. – Где папа?

С секунду я внимательно смотрела на нее. Если бы дочка курила постоянно, это бы скрыть не удалось. Запах табака от одежды, кашель. Даже если она выкурила одну сигарету за компанию, то не страшно.

– Он наверху. Рассказывает представителю прессы о своих достижениях в нейрохирургии.

Наоми начала подниматься по лестнице.

– Может, поешь чего-нибудь, дорогая? – крикнула я вслед. – Ты ведь забыла...

Но она уже скрылась в тени наверху лестницы.

Дорсет, 2010

Год спустя

Я уже начинаю забывать, когда в последний раз к кому-то прикасалась или кто-то прикасался ко мне. Год назад я поцеловала Наоми. Ощущение от крепкого объятия Тео на прошлое Рождество давно забылось. С Эдом я вижусь каждый месяц, но он боится ко мне даже притронуться. С Тэдом мы спали в одной постели до самого моего отъезда. Но лежали, не касаясь друг друга, повернувшись спинами. И сейчас я сознательно избегаю каких-либо физических контактов с кем бы то ни было. Это превратилось у меня в манию. Например, в магазине я настороженно слежу, чтобы случайно не прикоснуться пальцами к руке продавца, когда он дает мне сдачу. Если кто-то входит в дверь, я отступаю назад и сторонюсь.

Поэтому меня удивляет та легкость, с какой я прикоснулась к пожилой женщине, живущей рядом, по соседству, когда, проходя мимо, увидела ее лежащей на ступеньках своего дома. Это получилось у меня машинально.

Женщина бледна, но пульс ровный. Моя рука на ее груди поднимается и опускается. Приподняв ей веки, я убеждаюсь, что зрачки у соседки одинакового размера. Она кажется мирно спящей, и я не решаюсь ее будить. Боюсь испугать. Мне знакомо это резкое возвращение к реальности, хотя иногда я этому рада.

Бристоль, 2009

За шестнадцать дней до...

Я вдруг проснулась, избавившись от блуждания в пространстве, наполненном хриплыми голосами и настойчивым шумом текущей воды. Было слышно также постукивание, где-то совсем близко. А чуть подалее плакала Джейд.

Посмотрев в окно, я с облегчением осознала, что это был не плач несчастной девочки, а доносимые ветром крики чаек. Еще там трещала сорока, покачиваясь на голой ветке лайма, концы которой постукивали по стеклу. А что касается воды, так это, наверное, Наоми наверху стоит под душем.

Я повернулась к Тэду, обвила ногами его ноги. Во сне его щеки казались более обвислыми, чем обычно, а пятнышки веснушек в утреннем свете были серыми. Прижавшись к нему в приливе нежности, я подумала, что для нас главное – держаться вместе. И тогда ничего не страшно.

Восемнадцать лет назад, узнав, что я беременна двойней, мы посадили рядом два деревца и поначалу ревниво следили, чье растет быстрее. Потом они сплелись, образовав один ствол. Летом наше двойное дерево радуется обильной зеленой листвой, но сейчас стоит голое.

Тэд пошевелился, просыпаясь. Он всегда просыпался веселым. Его теплая, почти горячая рука медленно перемещалась с моего плеча на спину, затем ниже, прижимая меня сильнее. Его губы коснулись моей щеки.

Включился приемник, запрограммированный на семь. «Сегодня вторник, третье ноября», – сообщил ведущий деловым тоном.

Пора вставать. Мне необходимо встретиться с педиатром, а потом заступать на дежурство. Сегодня моя очередь, так что все экстренные вызовы на мне.

– Пора, пора, пора, – проговорила я, сбрасывая пуховое одеяло.

– Я пойду включу чайник, – сказал муж и пошел вниз.

Горячая вода в ванной меня успокоила. Тэд у раковины спокойно и сосредоточенно чистил зубы. И чего я так беспокоюсь? Ничего страшного ведь не случилось.

За завтраком мы говорили о предстоящих на сегодня делах. Я собиралась сходить к Джейд Прайс, посмотреть, что у нее дома. У Тэда на вторую половину дня была запланирована лекция в медицинском институте.

Неожиданно он заметил подготовленные для ламинирования листы выставочного арт-проекта Тео, наклонился к папке и начал их перебирать. Вчера Тео так ему ничего и не показал.

Проект представлял собой серию фотографий, снятых в национальном парке Бреконт-Биконс поочередно во все воскресные дни октября. На них Наоми постепенно раздевалась по мере того, как деревья теряли листву. Вначале она рассталась с перчатками, следом пошли куртка, джемпер, туфли. Первые фотографии Тэд рассматривал с восхищением. Тео действительно удалось показать великолепие увядания природы, краски осеннего леса и Наоми среди деревьев. Однако дальнейшие снимки ему нравились все меньше, а в конце он вообще помрачнел. Это когда Наоми, обнаженная, выглядывала из ветвей, смущая зрителя пристальным взглядом.

– Дорогой, – произнесла я, встав рядом, – я знаю, о чем ты думаешь...

– Ты не знаешь, о чем я думаю, – тихо отозвался он.

– Но это метафора. Если мы откроемся природе, сбросим свои лишние естественности покровы, она в ответ будет нас защищать. Я знаю, что Тео...

– Хватит, – произнес он, повысив голос. – Ничего ты не знаешь. К природе все это не имеет никакого отношения. Он спекулирует, используя симпатичную юную девушку, чтобы привлечь внимание. Неужели непонятно?

– Тэд, это искусство.

– Не могу поверить, что ты используешь это слово, чтобы оправдать порнографию.

– Это не порнография, – я тоже повысила голос, – на ней трусы, и куртку она сбросила в самый последний момент, перед щелчком затвора. Никита была рядом, держала ее одежду.

Я замолчала, переводя дух. Как он может говорить такие слова? Спекуляция, порнография. И это по отношению к Тео. Они с Наоми всегда были очень близки, особенно в детстве.

– Ты опять не видишь главного, – отрывисто произнес Тэд.

– Давай перенесем разговор на вечер и с участием Тео, – ответила я. Времени на спор у меня не было.

Тэд пожал плечами.

– Мне больше нечего сказать.

На том мы и разошлись. Тэд заторопился, быстро поцеловал меня и захлопнул за собой дверь.

Наоми вышла, когда я собирала сумку. Вид у нее был по-прежнему усталый, несмотря на ночной сон. Она медленно прошла по кухне, надела кроссовки, повязала шарф. Посмотрелась в зеркало на стене у телефона. На предложение позавтракать отрицательно мотнула головой.

– Я не голодна.

– Съешь хоть что-нибудь, дорогая. Может, яйцо с тостом?

Она брезгливо наморщила нос и наклонилась к псу.

– Берти, я тебя люблю. – Послала ему воздушный поцелуй и ушла, захлопнув за собой дверь. Через полминуты вернулась за мобильником и снова молча вышла.

Вскоре появились мальчики, сонные, молчаливые. Эд взъерошен, одет небрежно. Насыпал себе в миску мюсли, развел в йогурте и начал медленно жевать, внимательно читая надписи на пакете. Тео, полузакрыв глаза, доел остатки вчерашнего яблочного пирога. Потом они ушли, стукнувшись в дверях плечами. У Тео в руке была большая папка с фотографиями.

Пора было уходить и мне. Я оглядела царивший на столе беспорядок. Недоеденные надкусанные тосты, рассыпанный сахар, смятые пакеты, открытые банки. Надо бы задержаться и все убрать. Моя мама, будь она сейчас рядом, никогда бы этого не допустила. Но я, пошарив в шкафу, вытащила новые красные туфли на каблуках, надела их, сразу превратившись из домашней хозяйки в доктора, и вышла за дверь.

Навстречу мне шла Аня, ее подвез муж. Под пальто у нее был надет узорчатый передник, в котором она убиралась в нашем доме. Спокойная, надежная. Хороший работник. Куда мне до нее! Я, как бы ни старалась, никогда не могла закончить одно дело и только потом взяться за следующее. Мне постоянно что-то мешало. Они с мужем приехали из Польши. При встречах я неизменно натыкалась на его хмурый взгляд. Если бы я сказала ему, что Аня очень облегчает мне жизнь, он бы разозлился еще сильнее, решив, что свою жизнь я ставлю выше ее жизни. Его враждебный взгляд прошелся по моему теплому пальто, задержался на дорогой кожаной сумке и перескочил на высокий дом сзади.

Отпирая дверцу машины, я помахала миссис Мур, живущей напротив. Она выставляла у обочины небольшие пакеты с мусором. Тэд тоже вчера вечером вынес ополоснутые винные бутылки, коробки из-под готовой еды и аккуратно связанную пачку старых газет «Дейли телеграф».

Миссис Мур выпрямилась, прижав руку к пояснице. Посмотрела на меня, чуть приоткрыв рот. В окне эркера мелькнул силуэт ее тридцатилетнего сына Гарольда. Гарольд – даун. Его отец много лет назад ушел из семьи. Каждый раз, встречая миссис Мур, я задаю себе вопрос: как ей удастся переживать все эти дни один за другим? Что поддерживает ее существование?

Я запустила двигатель, нажала кнопку включения приемника, а она все не отводила от меня взгляда.

А может, мне не следует виниться перед ней за то, что я получаю от жизни намного больше, чем она? Ведь миссис Мур видит, во сколько я каждый день уезжаю из дома и когда приезжаю. И Тэд тоже. Может быть, она меня даже жалеет.

Утро промелькнуло так быстро, что я и не заметила. Одна за другой прошли три женщины. Каждая со своей жалобой. У одной месячные, у другой беременность, третья недовольна наступлением климакса. Осматривая их, мне хотелось сказать, что это у них не болезнь, а скорее небольшое отклонение от нормы. А вот вошедший следом за ними мистер Поттер был действительно болен. Что неудивительно в его возрасте – ему было под девяносто. Этот старик в аккуратно начищенных туфлях прошел несколько кварталов до клиники, причем в гору, и терпеливо ждал в очереди, чтобы сообщить мне об ощутимой боли в левой стороне груди. Пытаясь при этом улыбаться. Когда я сказала, что его нужно срочно госпитализировать с острой коронарной недостаточностью, он заволновался.

– Простите, доктор, я думал, у меня что-то не так с желудком. – Он говорил с трудом,

ловя ртом воздух. – Придется позвонить соседям, попросить, чтобы кормили моего кота.

Пока он решал свой вопрос, я вызвала машину «Скорой помощи», чтобы отвезти его в больницу. Ему предстоит резко сменить обстановку. Из своей чистой маленькой муниципальной квартиры с фотографиями в рамках на каминной полке, креслом у огня, которое теперь опустеет, старик переместится в залитое бледным светом белое помещение с разными флакончиками, тюбиками и плачущими мониторами. Сестры будут наклоняться над ним и говорить громко, как с глухим. Неплохо было бы ему надеть свои военные награды.

Когда я вошла в кабинет нашего шефа Фрэнка, он сидел за своим антикварным письменным столом с обитой кожей столешницей и разговаривал по телефону. Рядом стояли две кружки с кофе, наполняя комнату ароматом. Увидев меня, он улыбнулся, чуть вскинув брови, и кивнул на кресло. Я села.

Он положил трубку и вздохнул, охватив большой ладонью одну кружку. Другую подвинул мне. Очки у него на носу сидели чуть криво. Стол был весь завален бумагами – ни единого свободного места.

Мы поговорили о текущих делах, потом я сказала, что передала Джейд Прайс муниципальному педиатру. Есть подозрение, что ребенок подвергается домашнему насилию. Матери об этом еще не известно, но я собиралась ей сказать во время сегодняшнего посещения.

– Я знаю Прайсов, – произнес Фрэнк, внимательно меня выслушав. – Будь осторожна в выводах, Дженни. Тщательно все обдумай. Они не кажутся мне способными на насилие над ребенком.

– Но тут нечего особенно думать, – ответила я, вспомнив синяки и заторможенность девочки. – Семья неблагополучная. Отец пьяница и дебошир. Мать в постоянной депрессии.

– Зачем тебе к ним ходить? Можно позвонить.

– При личной встрече проще сказать, что я подозреваю их в насилии над ребенком. И возможно, в доме я увижу что-то, подтверждающее мое мнение.

– Мне пойти с тобой?

– Зачем?

– Они могут обвести тебя вокруг пальца или нахамить, – Фрэнк внимательно посмотрел на меня. – Тебя тревожит что-то еще? – Он тридцать лет был семейным доктором, так что в людях разбирался.

Я махнула рукой:

– Да так, домашние дела.

– Как Тэд? У него все в порядке?

– Да. Преуспевает.

– А дети? Как там моя любимая крестница?

– Наоми изменилась. Стала раздражительной. Дерзит. Пока не могу понять, в чем дело.

– Чем-то увлечена, я думаю. Или кем-то, – он улыбнулся. – Пятнадцать лет – у девочек как раз в этом возрасте и начинаются увлечения.

– Обычно она мне все рассказывала. – Я не стала уточнять, что этого не было уже много недель, а может быть, и месяцев.

– Придет время, и Наоми станет прежней. Не сомневайся. А что говорит Тэд?

– Ничего. Впрочем, я с ним об этом еще не говорила. Он так занят, – я виновато

улыбнулась. – Нам все недосуг поговорить. Только начнем, как кто-то один обязательно засыпает.

Фрэнк пожал плечами.

– Бог знает, как ты везде успеваешь. У нас только один ребенок, и Кэти сидит дома. О работе нет и речи.

Ну что на это скажешь? Не так уж трудно везде успевать, если точно знаешь, чего хочешь. Тут нет никакого волшебства. Я просто научилась прыгать из одного существования в другое, иногда даже не замечая. Конечно, дети при этом предоставлены сами себе. Тут есть и плюсы, и минусы. Вот сейчас я расплачиваюсь за слишком большую самостоятельность Наоми. Ну что ж, подожду, пока она наконец смягчится, тогда и поговорим. Уверена, скоро ей понадобится моя помощь.

И все равно, у меня нет сомнений, что она счастлива. Так же, как я и Тэд. Так же, как все мы.

Дом, где жили Прайсы, находился недалеко от порта. От клиники примерно миля. Район у реки было не узнать. Все старые складские помещения снесли, а на их месте построили современные офисные здания и спортзал. Однако улица, где жили Прайсы, осталась прежней. До нее эти новшества не дошли.

Я поставила автомобиль у обочины и пошла искать дом четырнадцать. Но это оказалось не просто. Номера на домах отсутствовали. В некоторых разбитые окна были заложены картоном. У одного дома в палисаднике в грязи стоял сломанный телевизор. Пришлось искать помощи у юношей, сгрудившихся у мотоцикла, блеск которого резко контрастировал с окружающей обстановкой. Парни были худощавые и хмурые. Один пил что-то из банки, высоко ее подняв, так что на лицо капала жидкость. К моей туфле прилип газетный лист. Стряхнув его, я подошла к группе молодежи.

– Здравствуйте. Я ищу дом четырнадцать. Не подскажете, где это?

– Вам нужен Джефф Прайс? Зачем?

Другой парень, помоложе, вышел вперед и показал на дом с желтой дверью. Я поблагодарила и направилась к ней. Рядом были выставлены бутылки из-под спиртного. Некоторые валялись на земле. Звонок не работал. Я постучала и, не дождавшись ответа, открыла дверь и вошла в узкий темный коридор.

– Миссис Прайс... Это я, доктор, у которой вы вчера были.

– Кто здесь? – В коридоре из темноты возник крупный мужчина в грязном домашнем халате, наполовину распахнутом, так что была видна его волосатая грудь и мешковатые трусы. Он двигался прямо на меня. Я крепко сжала ручку сумки.

– Я... доктор.

– Вот как? И что у вас к нам за дело?

– Вчера ваша жена приводила ко мне Джейд. На осмотр.

Услышав это, он полностью преобразился. Заулыбался, глаза подобтели.

– О, спасибо, что зашли. Я очень за нее беспокоюсь. Пойдемте, познакомлю со своей мамой.

Ну ладно, скажу ему позднее. После знакомства с его мамой. Скажу, что меня беспокоят синяки на теле Джейд. И если окажется, что это папа распускает руки... Нет, пожалуй, так резко я выступать не буду. Скажу, что пришла проверить, созданы ли для ребенка в доме надлежащие условия. Он жестом пригласил меня следовать в конец коридора к узкой двери.

Мы вошли. От острого запаха мочи у меня заслезившись глаза. В камине поблескивали красные угольки. Близко к нему было придвинуто кресло, в котором сидела старуха, похожая на старого попугая. Узкое костлявое морщинистое лицо, глубоко запавшие глаза, похожие на когти тонкие пальцы вцепились в подлокотники кресла. Внизу под скорченными ногами ковер потемнел от влаги.

Джефф Прайс наклонился к матери.

– Ма, поздоровайся с доктором. Она пришла насчет нашей маленькой Джейди. – Он посмотрел на меня. – Ну, тут уж ничего не поделаешь. Располагайтесь здесь поудобнее, а я пойду налью вам чашечку чая.

Я огляделась в поисках места, куда можно сесть, но подходящего места не нашла. На столе валялись упаковки от лекарств, обрывки фольги, смятые бумажные носовые платки, измазанные чем-то засохшим, темно-зеленым. На полу – пластиковые игрушки. В одном месте к стене были прикреплены детские рисунки. В комнате было жарко.

Я вышла в коридор. Прислушалась. На кухне засвистел чайник, звякнула посуда, потом мистер Прайс тихо выругался. Голоса ребенка среди этих звуков слышно не было. Наконец появился хозяин с кружками в руках.

– Потеряли меня? – он улыбнулся, кивая, чтобы я шла обратно в гостиную. – А вот и мы, ма.

Поставив предназначенную для меня кружку с чаем на стопу газет на столе, он шумно подул на вторую, затем зачерпнул ложку, приподнял подбородок матери и влил чай ей в рот. Коричневые капли оросили розовую ночную рубашку. На каминной полке стояла фотография, на которой я разглядела ребенка с родителями.

– Так вот, насчет Джейд...

– И что?

– Меня беспокоят ее... синяки.

– Да, Трейси мне говорила. И девочку сильно донимает кашель. В последнее время она начала потеть, мало ест, худеет. И еще эти синяки.

Я внимательно на него посмотрела.

– А откуда они у нее?

Он пожал плечами.

– В том-то и дело, что понятия не имею.

– Вот почему я хочу, чтобы ее осмотрели в больнице. Выяснили причину появления синяков.

– В больнице? Черт побери, неужели это так серьезно? – Джефф Прайс озабоченно наморщил лоб, и я вспомнила предостережение Фрэнка. Этот человек просто валял передо мной дурака.

– Да, это серьезно, – ответила я, стараясь говорить спокойно. – Я хочу, чтобы Джейд осмотрел педиатр.

– Что вы сказали?

– Детский доктор. Надеюсь, он разберется. Я вам прямо скажу, нас беспокоит, что синяки у нее от побоев.

– Ай-яй-яй... это, наверное, в школе ее обидели маленькие мерзавцы.

Я решила остановиться на этом, боясь его разозлить. Тогда он вообще может отказаться от осмотра.

– Так что я записываю ее на прием к педиатру, а там посмотрим.

– Спасибо, док, – он улыбался, как мне показалось, вполне искренне. – Я скажу жене.

Не притронувшись к чаю, я встала. Его мать зашевелилась в своем кресле.

– Все в порядке, ма, она уходит, – прокричал в ухо матери Джефф Прайс. – Скажи доктору «до свидания».

Старуха скосила глаза в мою сторону. Она знает. Нельзя жить в одном доме с ребенком и не знать, что его бьют. И она, наверное, догадалась, зачем я приходила.

Парни на улице все еще стояли в расслабленных позах. Вернее, двое сидели у стены на корточках, опустив головы. Один прислонился к уличному фонарю, прикрыв глаза, приложив к лицу пластиковый пакет. Я прошла, отвернув голову, они не обратили на меня внимания.

На улице стемнело, хотя на часах было четыре. Начал накрапывать дождь. Тео сейчас, наверное, в художественной студии, готовит фотографии к выставке. Эд на тренировке по гребле. Мои мальчики примерно того же возраста, что и эти парни.

В холодной машине я сразу включила отопление и приемник. Передавали местные новости. Бристольский насильник до сих пор не пойман. В прибрежных районах города возможно наводнение. Закрывается шоколадная фабрика.

Мне вдруг захотелось поговорить с Тэдом, услышать его голос. Я выключила приемник, набрала его номер. Голос Тэда ответил, что говорить он сейчас не может, и попросил после гудка оставить сообщение. Выходит, Тэд обновил свой автоответчик. Прежнее послание он записывал дома, сзади прослушивалась музыка и голоса детей. Теперь в тишине звучал только его голос, четкий и уверенный. И какой-то отстраненный.

Дорсет, 2010

Год спустя

Я трогаю пальцами тонкое запястье пожилой женщины, соседки. До сих пор она была для меня всего лишь неким символом, как дерево, мимо которого я проезжаю по пути в магазин. Просто сгорбленная фигура в старомодном теплом пальто. О ее преклонном возрасте можно было судить по походке. По вечерам для меня уже привычно видеть свет в ее окне.

И вот теперь она лежит в неловкой позе, упершись головой в дверной косяк, сжав пальцы.

– Вы меня слышите? – Не дождавшись ответа, я пытаюсь взять ее на руки. Это мне удается: женщина легкая, как ребенок. Ее бледное лицо с бескровными губами все в мелких морщинках, на щеках коричневые пятнышки. Седые волосы зачесаны назад настолько гладко, что отчетливо проступают кости черепа.

Я толкаю плечом дверь и вхожу с ней в дом, чтобы заняться тем, что привыкла делать значительную часть своей жизни. Помогать больным людям.

Бристоль, 2009 год

От пятнадцати до десяти дней до...

Дни пролетали быстро, похожие один на другой. Обычные дни. В самом деле обычные? Да, в моей памяти это время сохранилось именно таким. Дни, подернутые серо-голубой дымкой, с возникающими время от времени маленькими драмами. Они казались мне обычными, несмотря на то что были последними днями моей семейной жизни, несмотря на то что, как потом оказалось, были насквозь пронизаны ложью.

Я работала в клинике. Дома мы с Тэдом разговаривали, спорили. Если не были сильно уставшими, занимались любовью. Эд на пару дней слег с сильной простудой. Утром я его не будила, оставляла на прикроватном столике парацетамол и другие лекарства и уходила. Тео со своей серией фотографий с Наоми в лесу победил на конкурсе, получил почетный диплом. А у самой Наоми репетиции теперь длились до позднего вечера. Тэд тоже стал чаще задерживаться на работе. Его статью принял журнал «Ланцет». Это событие мы отметили поздно вечером бутылкой вина.

Да, вот такие были у нас дни, где не за что было ухватиться. Просто шли и шли, плавно перетекая один в другой. Мне приходилось совмещать очень многое – семью, брак, работу, живопись. Не всегда это получалось гармонично, обязательно был перекос в какую-то сторону, обычно в сторону работы. Но я не тревожилась, словно все это было лишь подготовкой к настоящей жизни, которая вот-вот наступит, и тогда я все прекрасно организую. Стану замечательной матерью, женой, доктором, художницей.

И вот наконец я натолкнулась на нечто, указывающее, что не все в моей жизни так благополучно, как кажется. Это был первый сигнал, за которым вскоре последовали другие.

В четверг, пятого ноября, Джейд положили в больницу. В разговоре секретарша педиатра между прочим упомянула, что мистер Прайс сильно разволновался и начал буянить. Даже пришлось вызвать полицию.

Ну что ж, я вручила девочку в надежные руки, так что теперь можно было не

беспокоиться. А то, что мистер Прайс вышел из себя, так это понятно. Почувствовал, видимо, что придется ответить за ребенка.

В понедельник я пришла в клинику раньше обычного и сидела, наслаждаясь тишиной. Пила кофе из своей первой кружки, изучая на экране компьютера результаты анализов пациентов. Телефон зазвонил, когда я рассматривала гистограмму ткани печени миссис Бланкин.

– Доктор Малколм?

– Да.

Я прижала трубку подбородком, продолжая работу. Гистограмма мне не нравилась. Значит, подозрения оказались верными. Выпадение волос, покраснение кистей рук и паутинка тонких жилок на щеках – это не только проявления климакса. Миссис Бланкин выпивает, причем регулярно. Я послала Джо сообщение с просьбой вызвать ее ко мне на прием.

– ...из детской больницы.

– Извините, что вы сказали? Я не расслышала.

– Я доктор Чизолм. Педиатр-консультант из детской больницы. Вы направили к нам Джейд Прайс.

Я поставила кружку и взяла трубку в руку.

– Да. Спасибо за...

– Я хотел бы поговорить с вами об этом, доктор Малколм.

К сожалению, сейчас у меня для этого не было времени.

– Мы обязательно поговорим, доктор Чизолм, но у меня через три минуты прием. Давайте я вам перезвоню часа через два-три.

– Я предпочел бы поговорить с вами лично. Пожалуйста, приходите в час, ради этого я отменил встречу.

– В час? Я постараюсь, но...

– Пожалуйста. Это важно. Мой кабинет на пятом этаже.

– Я попрошу прийти со мной и нашего шефа, доктора Дрейкотта, если он сможет...

– Хорошо. Я вас жду.

Мне казалось, что я отчетливо вижу этого педиатра. Густые, аккуратно причесанные седые волосы. В большой веснушчатой руке у него рентгеновский снимок, на который он смотрит сквозь очки в серебряной оправе и кивает, видя там явные следы насилия над ребенком.

Так что я все откладываю и иду к нему поговорить о Джейд. Возможно, нужна моя помощь.

Ровно в час я постучала в дверь с аккуратной надписью золотыми буквами в небольшой черной рамке: «Д-р Чизолм». При моем появлении он встал. Доктор оказался невысоким, худощавым и... чернокожим.

Наверное, я как-то выдала свое удивление, потому что он внимательно посмотрел на меня своими острыми карими глазами и с улыбкой произнес:

– Я уже привык, что относительно меня многие ошибаются. Я родился в Гане, но Оксфорд напрочь вытравил мой африканский акцент. Спасибо, что пришли. Пожалуйста, садитесь, – его рукопожатие было крепким и коротким.

Я села в серое пластиковое кресло, он занял место за своим столом.

– Спасибо, что пригласили поговорить. Ситуация трудная и...

– Доктор Малколм, девочка больна.

– Да. Я была у них в доме, говорила с отцом. Уличить его в чем-то не удалось, но, я думаю, вы уже выяснили причину.

– Джейд серьезно больна. – Выражение его лица не изменилось.

– Социальные работники...

– У нее лейкемия, – перебил он меня.

– Лейкемия? – я не знала, что сказать. Может, он перепутал и речь идет о другом ребенке?

Тем временем доктор Чизолм продолжал:

– Мы уверены, никакого домашнего насилия тут не было. Да, родители не совсем адекватны, но они ее любят. В этом нет сомнений. У девочки острый лимфобластный лейкоз.

– Боже.

– Анализ крови показал наличие атипичных лимфоцитов и бластных клеток. Свертывание крови практически отсутствует. Анемия. Гемоглобин на опасно низком уровне.

Черт возьми, как же это я не заметила? Все было так очевидно. Пассивность, слабость – это были не следствия депрессии, а анемия. Бронхит – вторичное проявление нефункционирования белых кровяных телец. Синяки – следствие плохого свертывания крови. Она приходила ко мне четыре раза, и я не вглядывалась, заиклившись на своем. Мне было безумно стыдно.

Доктор Чизолм кивнул, как будто читая мои мысли.

– Сейчас ей дают антибиотики, внутривенно. На завтра назначена магнитно-резонансная томография, а потом мы начнем химиотерапию.

– Родители знают?

– Еще нет. Вот почему я хотел с вами встретиться. Ситуация деликатная. При госпитализации я предупредил их, что мы будем проверять девочку на наличие неслучайных повреждений. Пришлось сказать, что делается это по вашему запросу.

– Я посетила их специально, чтобы проинформировать. Но так прямо сказать отцу не удалось.

Это была ошибка, которую теперь не исправишь. Да, на домашнее насилие указывало все – прежде всего сам отец, а также обстановка в доме и улица, где они живут.

– Не сомневаюсь, доктор Малколм, вы сделали все, что было в ваших силах, но родители Джейд ничего о подозрении в домашнем насилии не знали. Мистер Прайс очень разозлился. Он просто рвал и метал.

Я вспомнила его бычью фигуру и представила, как это выглядело.

– Результаты анализов пришли сегодня утром. Так что мы начинаем действовать. А вас я пригласил, во-первых, чтобы сказать о диагнозе лично, а во-вторых, чтобы предложить сообщить родителям. Думаю, это поможет сохранить доверительные отношения.

Сообщить родителям? И что я им скажу? Что совершила ужасную ошибку, находясь в плену стереотипа? Не заметила совершенно очевидных симптомов лейкемии?

Я посмотрела на него. Его взгляд был спокойный и твердый. Трудно было сказать, сочувствует он мне или презирает.

– И какие прогнозы?

– Процент пациентов, остающихся в живых спустя пять лет после выявления лейкемии, колеблется от двадцати до семидесяти пяти. Подождем результатов томографии. Прогноз

ухудшает наличие в кровеносной системе Джейд слишком большого количества аномальных белых кровяных телец. – Он сидел, устремив на меня внимательный взгляд. – Итак, что вы намерены делать как ее первый лечащий врач?

Я не знала, куда деваться от стыда. Да, я в конце концов направила Джейд в больницу, но совсем по другой причине. И опоздала на несколько месяцев.

– Конечно, встречу с родителями. А сейчас я хотела бы увидеть Джейд, чтобы сообщить им, в каком она состоянии.

– Идемте.

Он вышел из-за стола, и я последовала за ним в коридор почти бегом, едва поспевая.

Я скажу им, что она выглядит нормально. Что ей уже лучше. И хорошо, что она вовремя попала в больницу. Ей здесь помогут. Увидев меня, она засмеялась. Нет, просто улыбнулась. Мы поговорили... я что-то сказала, она что-то сказала и... засмеялась.

Я не сразу поняла, почему он остановился у второй кровати, где лежал остриженный наголо белокурый мальчик. Сильно исхудавший, с закрытыми глазами. На вид примерно лет шесть. К вене подсоединена капельница. И только потом я заметила жирафа, темного на фоне белоснежного белья. Некоторые синяки у ребенка позеленели, но появились красные и сиреневые.

– Вот, решили ее постричь. Дети так легче привыкают к потере волос после химиотерапии. Правда у нас еще нет согласия родителей. Получим после вашей встречи с ними. А лекарственную терапию уточним по результатам томографии.

– Джейд, это я, доктор. Здравствуй.

– Она устала и спит, – тихо проговорил доктор Чизолм. – Ее сегодня замучили осмотрами.

– Джейд, – продолжила я, не обращая внимания на его слова. – Я сейчас еду встретиться с твоими мамой и папой. Что мне им передать?

Веки девочки дрогнули и открылись.

Может, Джейд узнала мой голос, может, потому что услышала слова «мама» и «папа», но на секунду она встретила мой взгляд и улыбнулась.

Только выезжая из подземной автостоянки больницы, я вдруг сообразила, что девочка не могла знать о моей ошибке. Не могла знать, что ей помогли бы раньше, если бы я вовремя к ней присмотрелась.

Дорсет, 2010

Год спустя

Я без задержки прохожу с ней в опрятную теплую кухню, изобилующую яркими цветами. Рассматриваю оранжевый рисунок на линолеуме, темно-красный стол, желтый секционный шкаф с белыми ручками, ярко-голубую плиту и красный диван у стены. В камине пылает огонь, в углу поблескивает экран телевизора, кресло обито мебельным ситцем, расшитым живописными котами. Последовавший за мной Берти, оставшись без присмотра, быстро съедает из миски кошачью еду и со слабым вздохом устраивается у камина.

Я кладу соседку на диван, снимаю с нее туфли, сажусь рядом. Держа руку на пульсе, быстро оглядываю комнату. Всюду фотографии. Вот пожилой джентльмен в кепи копает в саду; рядом на снимке темноволосая молодая женщина с маленьким мальчиком на берегу моря, другого, постарше, она держит за руку. Я вспоминаю свою кухню: как хорошо мне в ней было, пока все не пошло прахом.

Бристоль, 2009

За десять дней до...

Я быстро отъехала от больницы, обогнав учебный автомобиль, и рванула вперед, чтобы успеть на перекресток до переключения светофора. Думать о разговоре с доктором Чизолмом не было сил.

Наконец я дома, необычно рано. Входная дверь не заперта, в прихожей я чуть не споткнулась о кроссовки Эда – он оставил их посередине. Видно, торопился, что-то забыл и вернулся. Я подняла их, поставила в угол. Мог бы не снимать, мы убрали ковры несколько лет назад. И шторы тоже. Солнечный свет в комнаты устремлялся сквозь чистые стекла больших окон с раздвижными створками. Но когда я возвращалась с работы, окна были уже темными. А теперь я видела пианино, книжный шкаф, длинный обеденный стол, на котором Тэд иногда раскладывал свои бумаги.

Я медленно двигалась, прислушиваясь к звукам своих шагов. Комнат в доме было много, но мы ими почти не пользовались. Тэд работал в кабинете. Дети обитали в своих комнатах или на кухне.

Спустившись по деревянным ступеням, я обнаружила Эда, сидящего за компьютером в гостиной, смежной с кухней. На экране – алгебраические символы и цифры. Как славно, что он дома.

Я села рядом на подлокотник дивана. Очень хотелось поцеловать его в щеку и погладить упругую темную шевелюру, но, увидев, как он поморщился, я вспомнила о новых правилах, которые нельзя нарушать.

– Привет, дорогой, – сказала я, глядя ему в спину. – Ты сегодня рано.

– Курсовая по математике, – буркнул он, не поворачиваясь.

– Но...

– Занятия отменили. Из-за этого насильника.

– Неужели?

– В основном пугали девочек, – отозвался Эд, не отрывая глаз от экрана. – Домой

возвращаться группами. Не разговаривать с незнакомцами.

– А что за насильник? Почему занятия отменили сегодня? Раньше говорили, что он орудует на другом конце Бристоля.

– Боже, сколько вопросов. – Лежащая на столе рука сжалась в кулак. – Одному учителю показалось, что у общежития девочек он видел какого-то подозрительного типа. – Эд быстро взглянул на меня: глаза прищурены, как будто он что-то скрывал. – Мне нужно это закончить. Я уже опоздал со сдачей.

– Хочешь горячего шоколада?

– Да, конечно.

Я быстро приготовила шоколад, поставила перед ним чашку и на секунду положила руку ему на плечо. Наклонившись, с удивлением обнаружила, что от Эда неприятно пахнет.

– У тебя на работе что-то случилось?

– Нет. А почему ты спросил?

– Ты сегодня рано.

– Вообще-то да, – попробовала я объяснить, – возникла неприятная ситуация. Но я все улажу.

Он поморщился.

– Ты мне мешаешь.

– Хорошо, – я встала, – и не забывай, дорогой, вовремя отдавать одежду в стирку.

Он негромко хмыкнул, продолжая смотреть на экран. Я быстро погладила его плечо и ушла.

На кухне я выпила чашку чая, глядя в окно, где начало темнеть. Потом позвонила Тэду. На этот раз он ответил. Рассказала о случившемся.

– Да. Я тебе сочувствую, Джен.

– Не мне надо сочувствовать, а этой девочке.

– У меня не так давно был случай похуже. Надеюсь, ты не забыла. Тоже девочка.

Операция на позвоночнике. Все закончилось параличом.

– Конечно, помню, – быстро ответила я. – Это было ужасно.

Да, тогда дело чуть не дошло до суда. Удалось доказать, что врачебной ошибки не было, но Тэд сильно переживал.

– В нейрохирургии риск неизбежен, – продолжила я, немного помолчав. – Пациент или его родственники подписывают специальную форму согласия на операцию. Они осознают опасность нежелательных последствий. А в случае с Джейд Прайс моя вина очевидна. Родители полностью мне доверяли, а я их подвела. Совершенно не думала о лейкемии, заиклилась на домашнем насилии.

– Извини, Дженни, но у меня дела, – отрывисто произнес он. – Поговорим дома. Я постараюсь прийти пораньше. Принесу вина.

Мы с Фрэнком договорились пойти к Прайсам завтра утром, но я решила поехать прямо сейчас, одна. Хотя на звонок никто не ответил.

Приехав, я постучала в дверь, постояла, постучала снова. В доме, видимо, никого не было. Конечно, кроме матери Джеффа Прайса. Наверное, она сидела сейчас в темноте и прислушивалась к моему стуку, вцепившись пальцами в подлокотники кресла.

В конце концов я повернулась и поехала домой.

Мальчишки еще не вернулись. Наоми, как всегда, была на репетиции. Так что вечер мы провели с Тэдом вдвоем. Распили бутылку вина и долго сидели над пустыми тарелками. Тэд

держал мою руку.

– Что мне им сказать? – спросила я.

– Скажи правду. Что ты руководствовалась объективными данными, которые на лейкемию не указывали.

– Они говорили, что не знают, откуда у нее синяки, но я не верила. На кашель тоже не обратила должного внимания. Потому что была убеждена в домашнем насилии.

– Но при первом осмотре не всегда удастся поставить верный диагноз.

– Я осматривала девочку несколько раз.

– Да. И действовала, как подсказывала тебе интуиция. – Не давая мне возразить, он встал и поцеловал меня. Крепко, в губы. И долго не отпускал. А мне было что возразить. Предвзятое мнение помешало своевременно направить девочку на исследование в больницу. А потом я ее направила, но совсем по другому поводу. Так что интуиция меня фундаментально подвела.

Потом вернулись мальчики, следом – Наоми. Мальчики быстро поели и пошли наверх. Наоми отмахнулась от моих вопросов о насильнике. Сказала лишь, что девочки расходились группами. Говорила в промежутках между полными ложками запеченного картофеля «дофинуа», который стоял на блюде перед ней. Репетиция прошла замечательно. Режиссер и помощники советуют ей поступать в театральную школу. Выражение лица у нее при это было такое, как будто она все время думала о чем-то своем, тайном.

Раз так, я решила не докучать ей своими вопросами. Девочка устала, пусть пойдет отдохнуть.

Потом мы с Тэдом молча вымыли посуду, убрали продукты в холодильник. Я загрузила стиральную машину, и мы поднялись наверх. Бок о бок, касаясь руками. Я едва двигалась от усталости. На половине пути Тэд обнял меня и притянул к себе.

В спальне я заставила себя раздеться, принять душ, надеть ночную рубашку. Ее мягкие кружева меня успокоили. Тэд подошел сзади, встал у зеркала. Говорят, женщины выбирают мужей, похожих на себя. В моем случае это правило, если оно действительно существует, не действовало. Тэд высокий, широкоплечий, голубоглазый. А я похожа на свою бабушку-ирландку, которая смотрела на меня с фотографии на стене. Темные вьющиеся волосы, светлые глаза, веснушки. Ростом я была ему до плеча.

Тэд смотрел на меня в зеркале, чуть сдавливая горячими пальцами мою шею.

В постели мы, не произнеся ни звука, повернулись друг к другу. Он начал меня целовать в губы, проникая языком все глубже. У языка был вкус вина. Я знала своего мужа наизусть. Его мускулы, плечи, плоский живот с густыми волосами внизу. Его вес. Я представляла, как все будет происходить дальше. Но сегодня было иначе. Грубее и быстрее. Тэд сильно прижал меня спиной к постели, поднял рубашку до шеи и, сразу глубоко проникнув внутрь, быстро задвигался. А я задвигалась в ответ. Казалось, пережитое днем каким-то образом повлияло на нас, сделало другими. Никакой прелюдии. Никаких нежностей и ласк. Слабые укусы, сжимание запястий, широко раскрытые рты и вытаращенные глаза. И дикое слияние друг с другом, как у животных. А в конце давно не испытываемое наслаждение.

Потом, отстранившись наконец друг от друга, мы долго лежали без движения, вытянув ноги. Не говоря ни слова.

Тэд наклонился и начал слизывать с моих щек слезы, которых я не ощущала. И вскоре заснул, уткнувшись лицом в подушку. Я полежала какое-то время, держа руку на его спине.

Сон пришел неожиданно, как будто мне на голову набросили одеяло. Глубокий. Без

сновидений.

Дорсет, 2010

Год спустя

Потерять сознание соседка могла по разным причинам. Инфаркт, диабетическая кома, инсульт. Нельзя исключить приступ боли в желудочно-кишечном тракте, хотя живот у нее мягкий. Я искала глазами на столе лекарства, но их не было. У хронических больных дом обычно запущен, а тут образцовый порядок.

Она пошевелилась, открыла глаза. Взгляд не испуганный, скорее смущенный. Я объясняю, что обнаружила ее без чувств на пороге дома. Одновременно замечаю белые ободки на внешних краях радужной оболочки ее глаз, указывающие на повышенный холестерин. Она говорит что-то, медленно подбирая слова, а я продолжаю держать ее руку. Такую же, какая была у моей мамы, – дряблая кожа, распухшие суставы пальцев, – и чувствую укол вины, что вот теперь вожусь с посторонней женщиной, а на свою мать не нашла времени за год до ее смерти.

Бристоль, 2009

За девять дней до исчезновения

Телефон зазвонил, когда я заканчивала собирать сумку.

– Привет, дорогая!

Вот уж некстати, черт побери!

– Я не могу долго говорить, мама.

– Значит, ты сегодня работаешь?

– Конечно. Ты же знаешь, что я работаю все дни, кроме пятницы.

– У меня снова закружилась голова. Так все было ничего, а вчера вдруг почувствовала себя неважно...

– Что значит неважно, мама?

– Просто неважно. Этого не объяснишь, Дженнифер. – Тон такой, будто она разговаривает с двенадцатилетней. – Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом. – Ее голос повеселел: – Как Джек?

– Какой Джек?

– Твой муж, дорогая.

– Мама, Джек – это бывший муж Кейт.

– Ну конечно. Извини, сглупила. Но как же тогда зовут твоего мужа, дорогая?

Я представляла ее так отчетливо, как будто мы находились в одной комнате. Не очень ухоженный сад позади ее небедного жилища. Говоря по телефону, она вздыхает, трогает свое жемчужное ожерелье, бросает взгляд на телевизор с запыленным экраном, на аккуратные стопки журналов на столе. В доме пахнет нафталином и чистящими средствами. Ее память ухудшается.

– Моего мужа зовут Тэд. Послушай, мама...

– Я не знаю, что делать с коттеджем. Кейт его не берет.

Вот о коттедже сейчас не надо.

– Мы поговорим об этом, когда я к тебе приеду.

– Завтра?

– В пятницу. В мой выходной.

– Как замечательно, дорогая. Вот только я чувствую себя неважно...

Фрэнк ждал меня на стоянке у клиники. Сидел в машине, слушал скрипичный концерт. Лицо недовольное. Что не удивительно – удовольствия предстоящий визит нам не обещал. К тому же пришлось отменить утренний прием пациентов.

Как только я села, он тронул машину.

– Извини, Фрэнк, сама не знаю, как это получилось.

– Никто из нас не застрахован от промахов. И у меня они были.

– У тебя-то какие? Что-то не припомню.

– А как же. Не заметил у молодого парня гипертрофию щитовидной железы. В результате он слег в психиатрическую клинику.

– Но потом ты помог ему встать на ноги, – напомнила я.

– А еще у пациентки был перелом лодыжки, а я диагностировал это как вывих.

– Лучше вспомни, скольким ты буквально спас жизнь.

– Я не говорю, что все так уж плохо. Твой случай пустячный по сравнению с теми, о которых пишут в вестнике «Медицинская служба гражданской обороны».

Этот вестник нельзя было читать без содрогания. Там рассказывали о чудовищных врачебных ошибках и преступном невнимании к больным. Ребенок несколько дней пролежал с высокой температурой, а потом выяснилось, что у него менингит. Другого пациента, больного раком, долго лечили от синдрома раздраженного кишечника. Жалующемуся на головные боли говорили, что это депрессия, а у него была опухоль мозга.

– Но мне от этого не легче, – ответила я.

Мы подъехали к дому. Джефф Прайс открыл дверь с каменным лицом. Посторонился, пропуская нас в коридор.

– Пойдемте на кухню. Не хочу, чтобы мама слышала. – Там он встал, сложив на груди руки.

– Мистер Прайс, я пришла вам сказать...

– Что моего ребенка положили в больницу с подозрением на домашнее насилие, – прервал он меня. Жилка на его лбу заметно пульсировала. – И в полиции, не разобравшись, мне уже вынесли предупреждение.

– Мистер Прайс, – произнес Фрэнк ровным тоном, – доктор Малколм пришла сообщить вам нечто очень важное.

– Меня тревожили ее синяки, – продолжила я. – Нужно было выяснить причину их появления.

– А чего было выяснять?! – опять взорвался он. – Вы и так уже знали, что это из-за меня. Лучше скажите, зачем ее остригли и когда мы можем забрать нашу девочку.

– Не скоро, мистер Прайс.

– Это еще почему? – из смятой пачки на столе он вытащил сигарету и закурил.

– Дело в том, что у Джейди... – я замялась. Это тяжелое известие следовало сообщить как можно мягче, но у меня не получалось.

– Погодите, погодите, что у Джейди? – по моему лицу он видел, что с его дочкой что-то случилось. Что-то плохое. – Эй, Трейс... иди сюда.

На кухню вышла мама девочки в домашнем халате, но с макияжем.

[Купить полную версию книги](#)